

СРАЖЕНИЕ ЗА МОНТЕ КАССИНО – СОЛДАТСКИЕ ИСТОРИИ

Сражение за Монте Кассино в центре Италии продолжалось 123 дня с середины января под конец мая 1944 года. Оно стало одним из наиболее трудных и кровопролитных для многонациональных сил западных союзников СССР. Традиционно оно разделяется на четыре этапа:

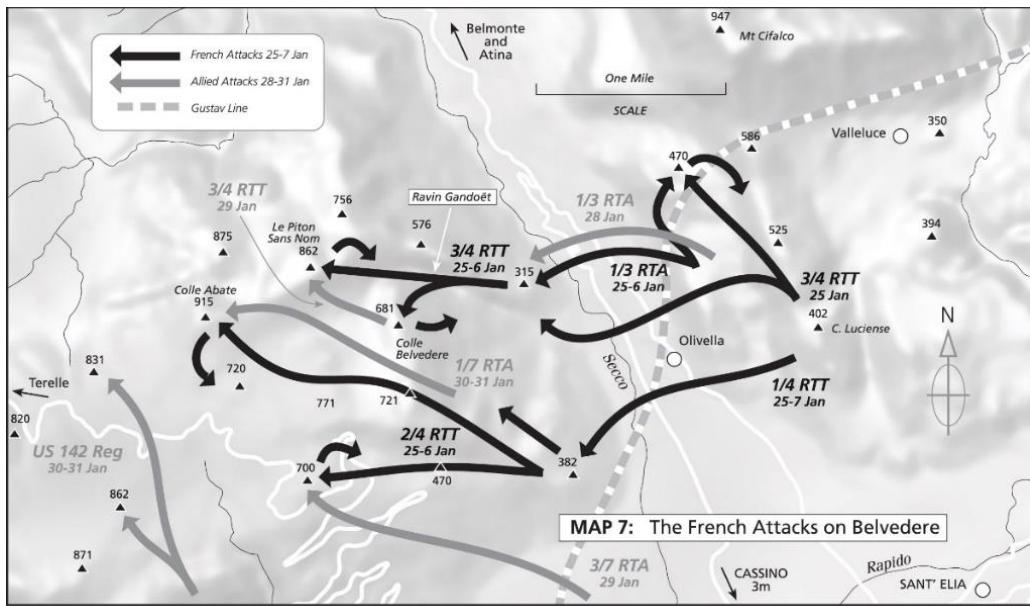
Первый этап

Первая атака имела место 17 января. Недалеко от побережья Тирренского моря 10-й Корпус британцев форсировал реку Карильяно/Carigliano. На первом этапе сражения его потери составили около 4 000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

20 января 36-я (Техасская) Пехотная Дивизия американцев предприняла попытку форсировать реку Рапидо*. За двое суток, не добившись даже минимального успеха. Дивизия потеряла 2 100 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести и была вынуждена отступить.

24 января 2-й Корпус американцев атаковал немцев через долину реки Рапидо к северу от Кассино и потеснил 44-ю пехотную Дивизию немцев. Атака Французского Экспедиционного Корпуса, продвинувшегося на несколько километров на правом фланге фронта, была остановлена немцами. Две марокканские дивизии французов потеряли в районе горы Бельведер 2 500 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

К началу февраля 34-я Дивизия американцев подошла к аббатству (монастырю) с севера на расстояние около одной мили, но попытка захватить его была отбита немцами. 11 февраля, после трехдневных атак на аббатство и город Кассино американцы отступили. Пехотные батальоны дивизии потеряли до 80% личного состава...

Продвижение американцев и французов к северу от Монте Кассино 25-31 января 1944 года

Второй этап

Этот этап получил название *Avenger*. Союзное командование, считая, что немцы используют аббатство для наблюдения за наступающими и корректировки артиллерийского огня, приняло решение разбомбить его. 15 февраля аббатство было разрушено – 91 бомбардировщик *Митчелл* и 142 *Летающие Крепости* сбросили на него 1 150 тонн бомб.

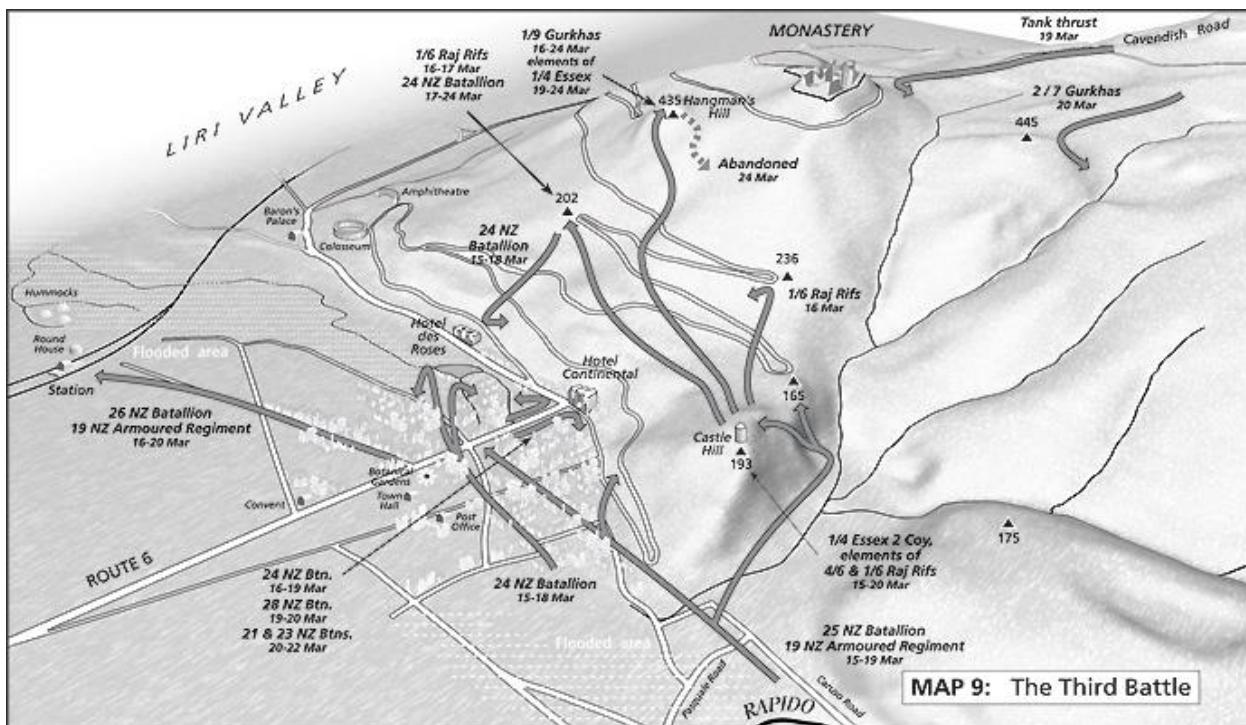

Расположение некоторых упомянутых в тексте пунктов относительно аббатства Монте Кассино

В ночь после бомбардировки рота 1-го Батальона Королевского Сассексского Полка (Royal Sussex Regiment) безуспешно атаковала позиции немцев на гряде *Snakeshead Ridge*, потеряв половину личного состава. На следующую ночь Сассексский Полк получил приказ атаковать гряду силами батальона. Атака была отбита с потерей половины личного состава. 17 февраля командование союзников бросило в атаку 4-й батальон 6-го Полка (Индийских) Раджпутских Стрелков (Rajputan Rifles) – атака была отбита с тяжелыми потерями для наступавших.

В рамках планов союзного командования 28-й (Маори) Батальон новозеландцев атаковал железнодорожную станцию города Кассино. Попав под огонь и контратаки немцев и понеся тяжелые потери, новозеландцы были вынуждены отступить.

Третий Этап

Продвижение союзников на 3-м этапе сражения

15 марта, после 3.5 часов бомбардировки с воздуха, в ходе которой на позиции немцев было сброшено 750 тонн бомб, новозеландцы пошли в атаку и захватили важную высоту Замковая Гора/Castle Hill. Атаке также предшествовала артиллерийская подготовка силами 743 стволов. К концу дня, 17 марта, гуркхи захватили важную высоту Hangman/Вешатель всего в 230 м от аббатства. Новозеландцы, поддержаные британской бронетехникой, захватили городскую железнодорожную станцию.

19 марта союзники планировали осуществить атаку на город и аббатство, но контратаковавшие части 1-й Воздушно-десантной Дивизии немцев остановили наступление и уничтожили большое количество бронетехники союзников. Бои приняли характер городского сражения, союзники увязли в них, и новозеландский генерал Фрейберг^{**} принял решение остановить наступление.

В этих боях 4-я Индийская дивизия потеряла около 4 000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, Новозеландская Дивизия – 1 600 человек. Немцы также понесли тяжелые потери.

Четвертый Этап

План наступления 4-го этапа сражения, реализованный союзниками

Эта операция получила название *Diadem*. Планировалось, что 2-й Корпус американцев будет атаковать на левом фланге вдоль побережья, Французский Корпус – на севере через долину реки Капильяно, справа от центра, вдоль долины реки Лири, - 13-й Корпус британцев. На правом фланге предстояло наступать 2-му Польскому Корпусу (3-я и 5-я дивизии) и атаковать разрушенное аббатство.

В 23.00 11 мая наступление началось с артиллерийской подготовки, в которой приняли участие 1 060 стволов 8-й Армии союзников и 600 стволов 5-й армии. 2-й Корпус американцев не добился значительного продвижения.

Французской корпус на левом фланге прорвался в горный массив Аурунчи/Aurunci, тогда как трехдневные атаки поляков, чередующиеся с контратаками немцев, принесли союзникам только тяжелые потери. К 13 мая оборона немцев на их правом фланге начала разваливаться под давлением 5-й армии. Еще одна попытка поляков взять аббатство привела к успеху – 18 мая они ворвались в него и водрузили над ним польский флаг. Со стороны союзников в боевых действиях приняли участие солдаты и офицеры многих национальностей: британцы, американцы, французы, поляки, военнослужащие из частей, представлявших доминионы и колонии британской и французской империй: индийцы, новозеландцы, марокканцы.

Рассказывают солдаты и офицеры союзных и немецких войск...

БРИТАНЦЫ

Дуглас Лэн (Douglas Lane), артиллерист, 2-й номер на наблюдательном посту (Observation Post Assistant) 57-го Полка (10-й Корпус). Для этого парня разрушение монастыря Кассино имело особое значение: он был прямым потомком Отца Игнациуса из Лэнтони/Llanthony, основавшего бенедиктинский монастырь в Уэльсе.

Стоит упомянуть, что к концу января-началу февраля в операции по захвату Кассино не было никакого прогресса. Без захвата монастыря не шло и речи о продвижении к Риму. Примерно в это время наш артиллерийский полк был переброшен на этот участок фронта, чтобы поддержать 201-ю Бригаду Гвардейцев (Guards Brigade). Монастырь находился на высоте 1500 футов, нам же пришлось вскарабкаться на наблюдательный пункт, расположенный на высоте 2500 футов. С наблюдательного пункта мы, когда позволяла погода, видели монастырь, расположенный на противоположной от нас стороне долины. Он выглядел, я должен сказать, грозно и странновато, поскольку к тому времени это был единственный неразрушенный объект во всей округе. Такое же ощущение вызвал бы Букингемский дворец посреди [Пашендалской равнины](#).

К 15 февраля мы пробыли на наблюдательном пункте около недели и чувствовали себя совершенно отвратительно, настолько мерзкой была погода. В редкие моменты, когда в облаках образовывались разрывы, мы не отрывали глаз от монастыря, и, честно говоря, он действовал нам на нервы. Он превратился из живописной достопримечательности в чудовище, в какой-то нарост, по какому-то стечению обстоятельств, сковавший наши жизни и остановивший наш путь домой. Он стал каким-то умопомрачительным олицетворением того, что мы все ненавидели...

Я пробыл на фронте уже два года, в непрерывных боях, что сильно притупило мою чувствительность ... Неожиданно из тумана, с южной стороны, в одно довольно приятное утро, сразу же после завтрака около 9.30 утра в небе появилась армада бомбардировщиков, в основном, *Летающих Крепостей*, всего около 250. Мы гадали, куда летит эта армада, когда ни с того, ни с сего из них посыпалась бомбы на монастырь Святого Бенедикта, расположенного на расстоянии в 10 миль от нас через долину... Мы обрадовались, крича и обнимая друг друга. Мы просто сходили с ума от восторга, но рядом со мной был замечательный валлиец, Том Робертс, который всегда был моим наставником, философом и другом, начиная с того дня, когда мы обогнули Мыс Доброй Надежды на пути к Суэцкому каналу. Он был человеком большой духовности и знал о моей связи с Отцом Игнациусом. Когда я перестал трястись, когда стихли смех и истерическое веселье, он присел рядом со мной и сказал: «Успокойся, Даг. Я имею в виду, что все это хорошо, но на самом ли деле мы пришли на эту войну, чтобы бомбить монастыри? Что бы Отец Игнациус подумал об этом?» Неожиданно мне будто кровь хлынула в голову: «Что же мы делаем на этой долбаной горе, когда вокруг все рушится и превращается в прах? Мы сражаемся за что-то и против чего-то? Мы здесь радуемся разрушению одного из величайших памятников христианства.» И мое настроение стало меняться от восторга к ужасу, к вопросам, задаваемым самому себе ...»

Аббатство под бомбами. 15 февраля 1944 года.

Бои у Замковой Горы – середина марта 1944 года

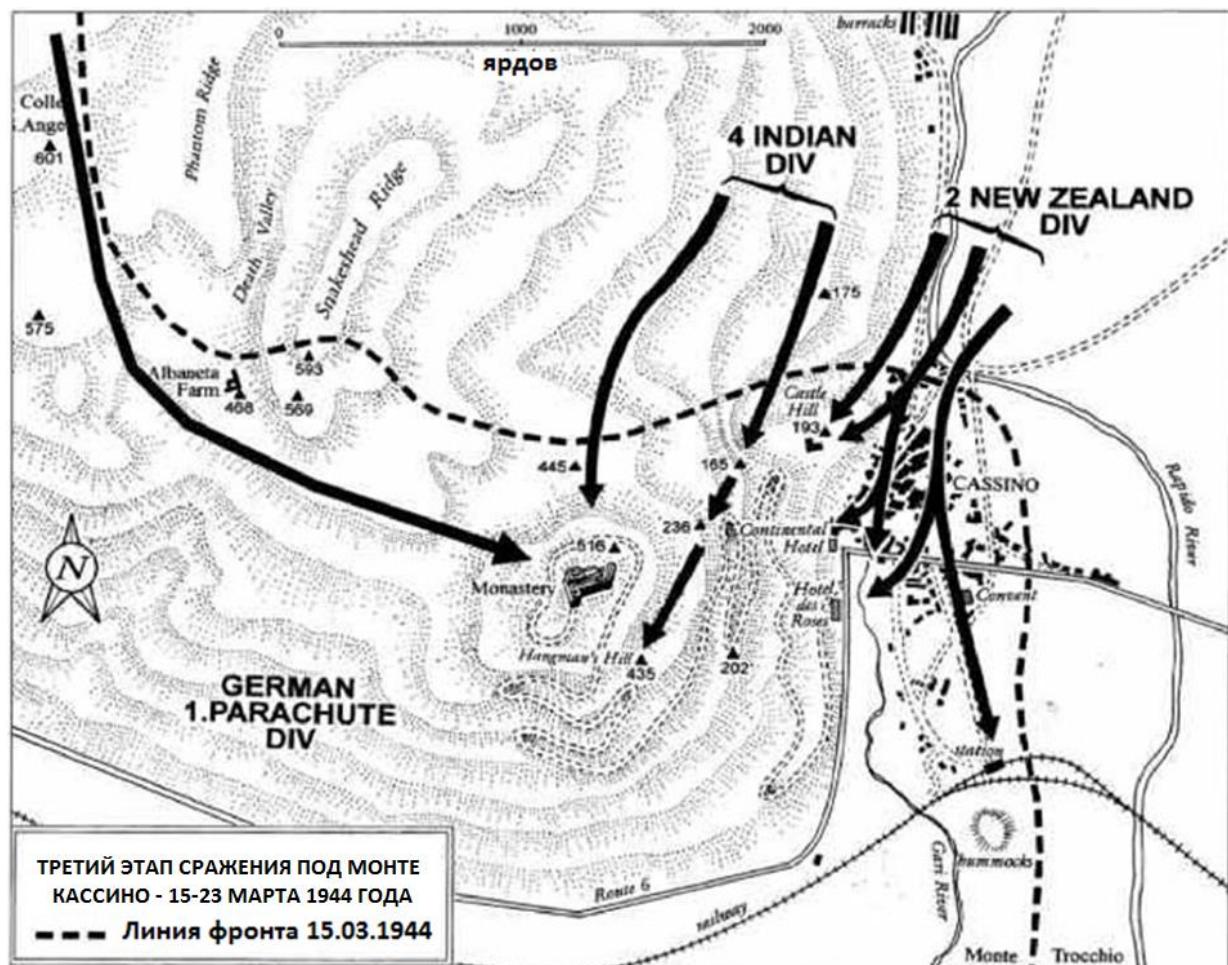
Атака в рамках 3-го сражения за Кассино должна была последовать за бомбардировкой города, для чего требовались три дня летной погоды. Подходящая погода установилась только 15 марта, и этот день стал днем начала 3-го этапа сражения за Кассино. Авианалет на город продолжался три с половиной часа, в нем приняли участие 775 бомбардировщиков, которые сбросили 1 000 тонн взрывчатых веществ на участок площадью в одну квадратную милю – ненамного меньше, чем на монастырь месяц назад. Это произвело ощутимый психологический эффект на немцев, которым потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя. Один из них вспоминал: «На этот раз все свалилось прямо на нас. Воздух вибрировал, все было так, словно чья-то могучая рука тряслась город.» Другой немец сделал в своем дневнике такую запись: «Сегодня ад обрушился на Кассино.» По воспоминаниям одного из британских солдат, ему «уже через несколько минут хотелось закричать «Достаточно!», но все это продолжалось, пока не начали лопаться наши барабанные перепонки, а сознание помутилось...» Союзники верили, что на этот раз город падет им в руки, так один американский офицер сказал после бомбардировки: «Мы дезинфицировали Кассино», находясь в твердой уверенности, что никто не мог выжить в этом аду. Однако немцы продолжали удерживать позиции в городе, а из-за разрушений его улицы оказались заваленными обломками задний, что сильно затруднило продвижение по ним новозеландских танков. Реализация нового плана командования замедлилась с самого начала...

Батальон эссе克斯цев, получив приказ об атаке, не преисполнился энтузиазма. Вспоминает рядовой **Том Стрингер (Tom Stringer)**: «Когда мы увидели, то, что стояло перед нами, мы все подумали – это безнадежное дело. Нам рассказали о том, что нам предстоит. Помню, как майор Бизли (Jack E. Beazley, командир Роты В - ВК) сказал, что это будет лобовая атака. Я засмеялся и подумал, что он шутит. Так он сказал, что никто не ожидает фронтальной атаки, и этим мы застанем противника врасплох.»

Первым шагом на пути к монастырю должно было стать занятие средневекового замка, находившейся на подступах к монастырю. Она получила у союзников прозвище Замковая Гора/Castle Hill (слева – вид на высоты с востока на запад). Она была взята под контроль Ротой D 25-го Батальона новозеландцев в поздние послеполуденные часы 15 марта после бомбардировки города.

сменить новозеландцев, вместе с гуркхами и раджпутанцами подняться на склон горы Кассино и занять высоту *Hangman/Bешатель*, расположенную в всего 300 ярдах от монастыря. Эта высота получила такое название, потому что на ее вершине просматривался пилон, издалека напоминавший виселицу.

Схематическая карта атак союзников на Замковую Гору и высоту Hangman

Собравшись на высоте *Hangman*, индийцы и британцы из 5-й Бригады должны были атаковать монастырь и оседлать *Шоссе 6*, ведущее в сторону Рима. Это был простой и прямолинейный план из числа тех, про которые говорят, что он был *гладким на бумаге*. Батальон 1/4 начал подъем в гору около 19.00 17 марта, уже в полной темноте. При этом обстрелы с немецкой стороны продолжались и после ее наступления. Эссецы продвигались вдоль белых лент, оставленных на местности новозеландцами. Вспоминает сержант **Билл Хокинс (Bill Hawkins)**: «Новозеландские саперы протянули белые ленты, вдоль которых мы должны были продвигаться. Их разрывало [осколками и пулями] на куски. Идешь вдоль ленты и неожиданно упираешься в пустоту, там, где ленты больше нет, и ты не знаешь, в правильном ли направлении ты двигаешься.»

Британцы на склонах горы Кассино

Вероятно, было бы лучше, если бы впереди шли гуркхи. Горы были их привычной природной средой, тогда как выросших на равнинах британцев крутые склоны быстро изматывали. Это станет очевидно командованию союзников позднее, а сейчас подъем на

Замковую Гору возглавила Рота А эссецов, за которой следовала Рота С. Ее командир, майор **Деннис Беккетт (Dennis Beckett, 1917-2016, на фото слева)**, шел впереди своих солдат. У входа в замок его приветствовал новозеландец следующими словами: «Почему это заняло у вас столько времени, приятель?»

К полуночи Батальон 1/4 полностью сменил своих предшественников. К этому моменту две последние роты *раджпутанцев*, следовавшие за *эссецами*, понесли тяжелейшие потери от артогня противника - в будущем они не примут заметного участия в боях в этом секторе. Рота С *эссецов*, все еще в полной темноте, отбила у немцев *Пункт 165* – одну из важнейших дорожных извилин [на пути к высоте *Hangman*], и две роты – А и В – 1-го Батальона *раджпутанцев* прошли через нее, рассчитывая в дальнейшем взять *Пункт 236* – важную укрепленную позицию немцев и

наблюдательный пункт. На часах было уже 04.30. Немцы увидели, что они готовятся к атаке, и обрушившийся на индийцев артиллерийский и пулеметный огонь заставил их отступить к замку.

Третий батальон бригады – 1/9 гуркхов, получил приказ быстро проскочить позиции *раджпутанцев* после того, как они займут Пункт 236, и проследовать к высоте *Hangman*. Его командир, подполковник **Джордж Нэнгл (George Nangle)**, оказавшись в сложной ситуации, в итоге, решил развернуть роты А и В рядом с замком и послать вперед роты С и D, чтобы они продвинулись вперед как можно дальше.

Ведущая к высоте *Hangman* дорога оказалась забитой людьми. Роты С и D стали продвигаться вперед в стороне от нее, и их пути разошлись. Рота D попала под шквальный огонь немецких пулеметов, потеряв в течение минуты 15 человек. Контакт с Ротой С был потерян, и в штабе бригады могли только предполагать, что с ней случилось то же самое.

На следующий день *раджпутанцы* еще несколько раз атаковали Пункт 236, то занимая его, то снова отступая после немецких контратак. Около 14.00 пришли первые обнадеживающие новости. Пропавшая ночью рота гуркхов добралась до высоты *Hangman*, выбила оттуда немцев и заняла позиции в 300 ярдах от ворот монастыря. Эти люди вышли к цели в стороне от существующей дороги и застали противника врасплох.

Теперь все усилия британских командиров были сосредоточены на том, чтобы перебросить к этой высоте остальных гуркхов. Подъем вверх по склону начался в 20.00. Закрепившиеся к раннему утру 18-го на высоте *Hangman* гуркхи не собирались оставаться там слишком долго, и, оставив при себе достаточное количество боеприпасов, избавились от своих пищевых рационов, чтобы облегчить последний рывок вверх по склону. Теперь немцы понимали, что им необходимо сделать все возможное, чтобы удержать под своим контролем Пункт 236 и что значительные силы союзников находятся на выгодном рубеже для решающей атаки на монастырь. Стоило им изолировать гуркхов, это могло бы привести к срыву наступления союзников в целом.

В Журнале Боевых Действий (ЖБД) эссе克斯цев, занимающих замок, тем временем, появились записи, указывающие на серьезные проблемы, вызванные огнем немецких снайперов, в связи с чем штаб батальона призвал на помощь новозеландцев. Однако уже вскоре эссецы получили приказ оставить замок: перед ними была поставлена новая боевая задача. Командование приняло решение перебросить весь Батальон 1/4 на высоту *Hangman* на усиление гуркхов, готовившихся к штурму монастыря. Теперь ротам В и D предстояло осуществить ночной подъем по склону горы Кассино под проливным дождем. Эссеццев должен был сменить Батальон 4/6 *раджпутанцев*.

Вспоминает рядовой **Кевин Бонд (Kevin Bond)**: «Мы поднимались в гору, темно было, хоть глаз коли. Мы были под огнем артиллерии и пулеметов, мы скользили и сползали вниз. Это было кошмаром. Люди падали куда-то вниз, и больше мы их не видели. Терять нам было нечего, только и оставалось, что падать на камни и припадать к ним. Так мы и делали снова и снова.» За ротами В и D должны были проследовать роты А и С сразу после прибытия *раджпутанцев* на Замковую Гору.

Немцы срывают планы британцев

Затем случилось то, что остановило продвижение людей вверх по склону. Незадолго до 6 часов утра шесть человек из Роты *B* неожиданно вернулись к входу в замок и сообщили о том, что видели большую группу немцев, направляющихся к замку со стороны монастыря.

Офицерам и солдатам рот *B* и *D*, столкнувшимся с вероятной контратакой противника, предстояло решить, продвигаться дальше к высоте *Hangman* или отступить к замку: в итоге, лишь около 70 из них доберутся до позиций гуркхов. Многие из них были убиты и ранены по дороге и в первой же стычке с немцами. Среди раненых был **Том Стрингер**: «Итак, мы тронулись в путь. Прошло, думаю, где-то с полчаса, и мы услышали чьи-то голоса... Кто-то выпустил осветительную ракету, и мы увидели множество людей на склоне монастырской горы. Мы открыли огонь, и я помню, как мою винтовку заклинило после трех выстрелов... Я подумал: надо убраться куда-нибудь отсюда. Было все еще очень темно, и, как только я сдвинулся с места, прилетела граната. Так для меня все и кончилось... Начало светать. Мне размозжило левую руку, кровь стекала с голени и с подбородка, и я чувствовал, что теряю сознание. Тут я увидел солдат, продвигающихся к замку, и подумал: лучше я не буду двигаться, пусть я буду выглядеть трупом. Мне показалось, что я пролежал там бесконечное количество времени... Я знал, что мне нужна срочная медицинская помощь. Тут я увидел двух немцев с носилками и попросил о помощи. Один из них наложил турникет на мою руку и шину на мне на ногу, сделал повязку на подбородок. В общем, они хорошо поработали...»

Немцы вынесли Тома Стрингера с поля боя, после чего он остаток войны провел в плену.

Первая атака немцев

Вспоминает **майор Беккетт**: «Я закончил сменную процедуру в *Пункте 165* вместе с [Батальоном] 1/6 [Раджпутанских Стрелков] и в 03.30 собрал свою роту в замке. Фрэнку [майор Фрэнк Кеттели (Frank Kettleley), командир Роты *A*] и мне пришлось тронуться в путь на два часа позднее рот *B* и *D*... В 04.00 Роты *B* и *D* покинули замок... Незадолго до 05.00 сержант-майор Кохс (Cox) и примерно шесть человек из Роты *B* прибежали назад, чтобы сообщить, что в направлении замка продвигается очень большая группа немцев, которых они сначала приняли за индийцев-носильщиков, пока не разглядели их каски. Мы были [на тот момент] в крайнем беспорядке. Предполагалось, что 1/6 займет оборонительные позиции, но, на самом деле, большая часть наших людей все еще подготавливала их. Мы попытались раздать провиант и боеприпасы и привести в порядок оружие, которое за день до этого, под обстрелом, было засыпанным камнями и пылью.

Майор Фрэнк Кеттели, на тот момент старший офицер на Замковой Горе, которая уже была под хорошо скорректированным артиллерийским и пулеметным огнем немцев, быстро рассредоточил эсексцев по оборонительным позициям. Немцы повели обстрел со стороны монастыря, города и огневых точек между ними, прижав британцев к камням. По словам Беккетта, «ситуация была следующей: 1/6 занимал *Пункт 165*, 1/4 и части 1/6 – *Пункт 193*. Контратака противника началась с интенсивного пулеметного обстрела, накрывшего двор замка... Ничего подобного я раньше не видел – они вели огонь со всех сторон. Это продолжалось примерно 10 минут, после чего они пошли вперед. Фрэнк отдал приказ к бою, и все побежали на свои огневые точки. Индийцы, само собой, толком не знали, что им делать, и постепенно столпились в тыловой части замка, хотя некоторые из них храбро сражались, обороняя внутренний двор. Я не стану их критиковать, поскольку деваться им было особо некуда, ведь мы уже заняли все укрепленные позиции, и на оборонительном периметре оставалось слишком мало места для кого-либо еще...

Стрелки из Роты В эссексцев позируют фотографу на оборонительной позиции в минуты затишья. 16 марта 1944 года

Мы не могли использовать артиллерию, потому что не знали, что происходит с *раджпутанцами* и нашими, все еще находившимися перед замком. Наши минометы не были пристреляны. Оставалось вести ружейно-пулеметный огонь... Люди немного дрогнули от интенсивности вражеского огня, поэтому, в большей степени, чтобы приободрить их, чем добиться чего-либо еще, я ... выпустил с десяток 2-дюймовых мин по волне атакующих. Их первая атака была близка к успеху. Один или двое немцев попытались проникнуть во внутренний двор, многие были остановлены в нескольких ярдах от стен замка. Мы сорвали их атаку гранатами *Mills*, автоматами и *Бренами*.»

В этой атаке участвовали 200 немецких парашютистов, продвигавшиеся со стороны Пункта 236. Они смяли по пути позиции его защитников и начали забрасывать замок гранатами, бросая их поверх стен. Майор Беккетт, взяв на себя руководство обороной, пока Кеттели держал связь со штабом батальона, мог рассчитывать только на гранаты и ружейно-пулеметный огонь своих людей, поскольку вызов артиллерийского огня мог привести к потерям среди британцев, все еще находившихся на соседних склонах. Вот что он рассказывал: «Фрэнк теперь был полон желания принять более активное участие в схватке и пополз вперед, чтобы разобраться с пулеметчиком, который доставил нам много проблем. Это был тот самый парень, который немногим ранее дважды несильно ранил меня в руку и шею. К сожалению, этот *бош* опередил Фрэнка: пуля попала ему в голову, и он вскоре скончался. Мы швырнули множество гранат *Миллса* в направлении этого пулеметчика, и после этого он уже не досаждал нам, так что, полагаю, мы с ним покончили. Вскоре после этого мы увидели, как в небо поднялась белая ракета, и ружейно-пулеметный огонь сменился артиллерийским и минометным, так что, как мы поняли, первая контратака была отбита.»

Между первой и второй атакой Беккетт увидел раненого солдата за пределами замка, и с белым флагом, в сопровождении одного из своих людей, вышел на открытое пространство. Пока они выносили раненого, по ним не было сделано ни одного выстрела. Беккетт, прежде чем закрыть ворота замка, повернулся и, по его словам, «сделав в чем-то театральный жест, отсалютовал тем, кто был там, выше по склону: так я отблагодарил их.»

Следующие несколько часов стали определяющими. Вспоминает Беккетт: «Я приступил к оценке нашего положения. Все было не то чтобы замечательно. У нас под рукой осталось восемь 2-дюймовых фугасных мин, 12 гранат, большое число Томпсонов и, по счастью, полно [винтовочных] патронов калибра .303. Мы потеряли немало хороших ребят под первым пулеметным обстрелом, ... многие были ранены, пытаясь занять огневые позиции на стенах...»

Вторая атака немцев

...Затишье продолжалось недолго. Противник воспользовался преимуществами, полученными в ходе своего первого броска вперед, чтобы занять очень удобные позиции, и на этот раз начал с того, что забросал нас градом ручных гранат. Но и мы теперь были лучше подготовлены: я связался со штабом батальона, чтобы организовать мощный пулеметный обстрел западной окраины замка. Хорошо проявили себя и 3-дюймовые минометы, хотя было трудно найти точку, чтобы наблюдать за противником [и корректировать их огонь]. В итоге я забрался на вершину стены, выставив голову и плечи, и поступил как полный дурак, сделав это. Все, чему меня учили в офицерской школе, должно было вбить мне в голову, что это недопустимо, но у меня не было другого выбора. Короче, какой-то бош-коротышка кинул в меня гранату, и, вот удача, она не попала мне в голову.

По счастью, наш огонь был скорректирован до того, как это произошло, так что было приятно услышать, как стучат Виккерсы. Думаю, они слегка прижали бошей, потому что нам удалось немного перегруппироваться. Сразу после этого я получил сообщение от Робина Освальда (Robin Oswald), командира 52-й Батареи (1-й Полевой Дивизион), в котором говорилось, что во дворе замка нас осталось совсем мало и на исходе боеприпасы. Они [артиллеристы] понесли большие потери от гранат бошей и были в трудном положении. Был организован небольшой отряд под командованием Дага Бича (Doug Beech), в который вошел Ронни Алф (Ronnie Ulph) и еще 12 человек из Роты С, занявшиеся подносом боеприпасов. Чтобы прикрыть их, мы разместили Брены в линию вдоль стены с внутренней ее стороны и повели огонь через дыры, в то время как идущие впереди парни из этого отряда пробивались к нашим, ведя огонь из Томпсонов. Они сделали свое дело без потерь, насколько я помню. Двор замка стал ареной самого ожесточенного боя. Трижды боши пробивались вовнутрь, несколько раз забирались на стены, но каждый раз были отброшены.

Со стороны, обращенной к Кассино, капрал Паркер (Parker), ведя огонь со своей точки с вдохновляющим всех спокойствием, остановил атаковавших своим огнем в нескольких ярдах перед собой, а потом забросал их гранатами.

По окружности башни были бойницы для лучников. Их использовали пулеметчики с Бренами, и боши быстро разглядели, какую опасность они представляют. Я видел, как трое парней были убиты один за другим – они были поражены выстрелами в голову, и один паренек из Роты В, взяв винтовку, сказал: «Я разберусь с ним, сэр.» Он выжидал какое-то

время, пока над стеной не появился силуэт этого стрелка, и убил его. Привели взятого в плен раненого немца, который рассказал, что около 200 из них были собраны для первой контратаки, а для второй – всего 40. Он сказал, что они [для этого] вышли из монастыря.»

Немецкие парашютисты под Кассино

Бой часто переходил в рукопашные схватки, но британцы взяли вверх, и эта атака была отбита. В 07.50 в ЖБД батальона появилась следующая запись: «Штаб бригады передал сообщение ротам A and C: вы проделали отличную работу.»

Трупы британских и немецких солдат после очередной схватки...

После того, как была отбита вторая атака, немцы также появились перед замком с белым флагом. Беккетт связался со штабом, сообщил, что немцы просят перемирия для сбора раненых, и попросил разрешения на это. Ему дали 30 минут, после чего британцы выпустили 25-фунтовый снаряд, вынудив всех, находившихся перед замком, уйти в укрытия или занять боевые позиции. В эти полчаса солдаты противоборствующих сторон помогали друг другу, обменивались сигаретами и даже присаживались вместе, чтобы покурить. Рассказывает **Билл Хокинс**: «Напротив наших позиций было очень много раненых, и они [немцы] хотели вынести их... Там были наши, были новозеландцы, индийцы, немцы. Мы не разбирались, мы оттаскивали всех их в замок, и немцы на своей стороне делали то же самое.» Ему вторит капрал **Джон Тидер (Jogn Teeder)**: «Они были очень хорошими парнями. Один джерри (наиболее распространенное среди британцев прозвище немцев в годы ВМВ – ВК) очень помог мне. Он говорил по-английски и помогал укладывать раненых на носилки и оттаскивать их в замок...»

Солдаты 4-й Индийской Дивизии

Вслед за этим Беккетт получил сообщение о том, что в окрестностях Замковой Горы находится Батальон 2/7 гуркхов, готовый к продвижению в направлении высоты *Hangman* на усиление своих соотечественников, удерживающих ее вместе с теми эссеексцами из рот *B* и *D*, которые успели присоединиться к гуркхам ночью и не попасть под контратаку немцев.

Казалось, вскоре у британцев будет достаточно сил, чтобы осуществить решительную атаку на монастырь, но Беккетт решил по-другому. Он счел, что удержание замка является на тот момент приоритетом и Батальон 2/7 должен оказать ему поддержку в этом. Марш к высоте *Hangman* в дневное время под огнем противника грозил тяжелыми потерями и потерей боеспособности Батальоном 2/7.

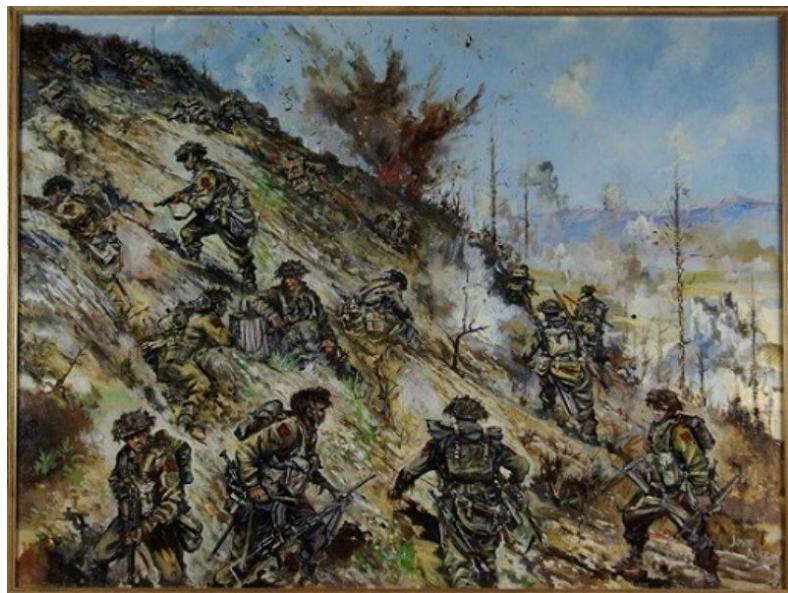
Последняя атака немцев

Вспоминает **майор Беккетт**: «Из штаба батальона сообщили, что следует ожидать третью контратаку, и спросили, точно ли то, что в *Пункте 165* нет никого из наших. Капитан Дженкинс (Jenkins) из Батальона 1/6 сказал, что уже два часа не имеет контакта со своими людьми и предполагает, что их позиции смяты. После этого наши начали интенсивный обстрел этого пункта, а как только немцы пошли в атаку, на них обрушился шквал артиллерийского, минометного и ружейно-пулеметного огня. Больше немцы не контратаковали».

В ходе третьей и последней атаки небольшая группа немцев подползла к стене замка о подорвала взрывной заряд, в результате чего в ней образовался большой просвет. Взрыв похоронил под обломками около 20 эссецев, включая капитана Бича. Немцы ворвались в просвет, но были скошены градом пуль, часть их была взята в плен.

На высоте *Hangman*

Из 70 солдат и офицеров рот *B* и *D*, сумевших добраться до Высоты *Hangman*, 30 были ранеными. Рядовой Тедди Хэззл (Teddy Hazzle) оказался единственным санитаром среди этих 70 и оперативно развернул перевязочный пункт, чтобы оказать помощь раненым. Намечавшаяся на 16.30 атака на монастырь была отложена, и командование отдало приказ сменить роты *A* и *C*, находившиеся в замке, и остатки рот *B* и *D*, занимающие позиции на высоте *Hangman*. Людей, оборонявших замок, сменили части британской 78-й Дивизии. Люди отступили в сухой овраг *Wadi Villa* (британцы для своей временной топонимики явно использовали арабское слово вади/wadi, которое подчерпнули в северной Африке – ВК), откуда они начали свой марш в гору четыре с половиной дня назад. Из Роты *A* назад вернулся 21 человек, из Роты *C* - 13. Из рот *B* и *D* вернулось большее число людей, а утром 20 марта из Батальона 1/9 гуркхов пришло сообщение о том, что вместе с ними на позициях все еще находятся 25 эссецев, которые получили приказ оставаться на месте. Также в ранние часы 20-го командир Роты *D* появился на КП Батальона 1/4. Из 38 человек, отправившихся с ним на высоту *Hangman*, назад вернулись четверо.

Гуркхи в атаке (художник Jason Askew)

<https://warfarehistorynetwork.com/article/the-essex-regiments-frontal-assault-on-monte-cassino/>

<https://www.youtube.com/watch?v=AJdvbyB2nvg>

Сержант Херберт Паркин (Herbert Parkin), 2-й Батальон Лондонских Ирландских Стрелков/2nd Battalion London Irish Rifles. Он находился на передовой с монастырем Кассино в поле зрения. Его рота полностью зависела от доставки боеприпасов и провианта на мулах.

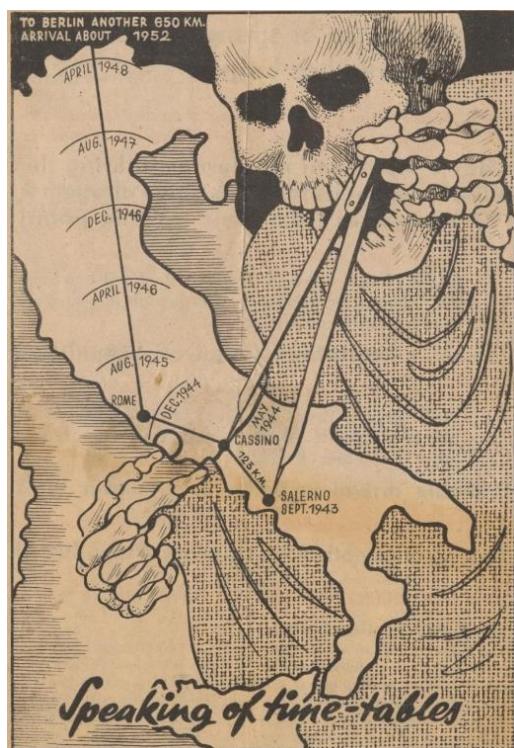
Мы высадились в Таранто ближе к концу 1943 года и перегруппировались для продвижения вглубь Италии. Местность была непростой для наступления – чередование хребтов и долин. Мы вышли на передовую линию в месте, носившем название долина Инферно/Inferno – это был пограничный пункт для мулов. Оказались мы в зоне обстрела. Немцы были на горе и отлично видели все окрестности. Мы не могли сделать и шага вне поля зрения противника. Саперы устанавливали дымовые завесы, но все это было временно, пока ветер не сдувал дым. Немцы давали возможность санитарным фургонам въезжать в сектор обстрела, но по всему остальному вели огонь. Они использовали воющее оружие, которое мы называли *Moaning Minnies/Стонущие Минни* (шестиствольный реактивный миномет Nebelwerfer). Они стреляли сразу из шести стволов и выли как звери. Немцы стреляли из них довольно точно и наносили нам большой ущерб. Наши минометы в это время придавались разным ротам, и я оказался, вроде как, в пехоте, на передовой позиции, на случай, если немцы пойдут в атаку.

Доставка грузов на передовую на мулах

Хотя немцы закрепились в монастыре, у них были позиции и вокруг него. Мы не имели понятия, где они прятались. Хуже всего приходилось по ночам, поскольку разглядеть что-либо было невозможно. Мы прислушивались к каждому звуку, пытаясь понять, что это было. И стрелять на звук было нельзя, так как ты мог попасть и в своих парней, находившихся в патруле... Нам все доставляли на мулах: воду, еду, медикаменты – все. С нашей точки мы ясно видели мулов, бредущих по долине. Если они попадали под обстрел или начинали беситься, груз слетал на землю.

Находиться на горке было не очень комфортно, но еду мы получали всегда. Наши повара делали свое дело отлично. Они присыпали нам горячую еду в контейнерах и вообще заботились о нас. Мы не могли глубоко зарыться в землю, потому что грунт был скальным, а поверхность густо заросла кустарником. Вместо этого мы складывали брустверы из глыб. Хоть было и не очень комфортно, мы привыкли к этому и спали неплохо. У каждого было одеяло, плащ-палатка, под голову клали вещмешок, голову прикрывали каской. Так и спали...

Немецкая листовка периода Итальянской кампании. Немцы изобразили ироническое расписание продвижения союзников...

Британский армейский санитар Фред Джордан (Fred Jordan) переболел малярией в конце операции по захвату Сицилии, затем вернулся в свой 14-й Полевой Санитарный Батальон (Field Ambulance), который находился в составе 6-й Бронетанковой Дивизии, окопавшейся у подножия горы Кассино.

Все, кто побывал там, не забудут монастырь, расположенный на горе Монте Кассино. Мы пробыли на позиции около двух недель, пока нам на смену не пришли поляки. Немцы засели в монастыре, стреляя в каждого, кто появлялся на склонах. Они хорошо просматривали окрестности, что затрудняло наше продвижение куда-либо. Наша передовая находилась на склоне на полпути к вершине. Санитары располагались у

подножия горы, занимаясь эвакуацией раненых, по мере их поступления, в тыловые госпитали. Мы окопались настолько хорошо, насколько могли. Укрытий не было – каждый рыл себе окопчик и ждал, пока не позовут санитаров-носильщиков.

Итальянская кампания должна была закончиться быстрее, но начались дожди. Лило все время. Орудия и танки не могли перемещаться, поскольку сразу же застревали в грязи. Мы использовали механиков-водителей в качестве носильщиков, поскольку у нас не хватало людей. Припоминаю, как один парень сказал: «Я хотел бы снова оказаться в моем танке.»

Дожди сильно задержали нас. Мы несли потери и от оползней. Иной раз видишь, как глина начинает ползти вниз по склону, а затем, совершенно неожиданно, она соскальзывает, как лавина. Людей затапливало этой грязью, и они задыхались в ней. Самым странным было то, что, когда их находили, на трупах не было брюк и башмаков.

Окопы заполнялись водой, и из них приходилось выбираться на поверхность. Спали там, где придется. Со временем выматываешься настолько, что уже приучаешься спать в любом месте. Нас атаковали *Штуки*. Они наводили страх, с воем пикируя на нас. Наш боевой дух был невысоким. Это можно было видеть на лицах парней – страх и спокойствие. Это было что-то, такое, что невозможно объяснить ...

Рядовой Хэрри Курча (Harry Courcha), Рота A, 1-й Батальон Королевских Стрелков/Royal Fusiliers. Прибыл на фронт в составе подкреплений в момент переправы наступающих через реку Рапидо в районе Санта Анджело/Sant'Angelo. Это был его первый бой...

Меня призвали в апреле 1943 г., когда мне было 18 лет. Сначала отправили в Центр Физической Подготовки/Physical Development Center, так как сочли недостаточно крепким. Вероятно, это было связано с недоеданием в детстве. После этого меня послали в лагерь боевой подготовки на острове Уайт/Wight, после чего нашу группу отправили на войну в марте 1944 г. Тогда не разрешали отправлять солдата «за моря», пока ему не исполнится 18 лет. Мне исполнилось 19 лет на борту перевозившего нас судна. Плавание заняло две недели, так как мы старались избежать атак подводных лодок. Прибыли мы в Неаполь – Везувий незадолго до этого извергался, и над ним все еще висел дымок. Это было грандиозное зрелище для того, кто еще недавно рассматривал стоящую одно пенни поездку в Хэмпстед Хит/Hampstead Heath (достопримечательность в центре Лондона – ВК) в качестве большого события в жизни.

Нас на две недели послали в тренировочный лагерь, где понюхавшие пороху солдаты рассказали нам просто ужасные истории о делах на фронте. Мы были в составе подкреплений, а Королевские Стрелки в тот период времени несли тяжелые потери. По ротам нас распределили в соответствии с инициалами, и я попал в Роту A. У всех моих приятелей инициалы стояли ниже в алфавите, и почти все они попали в Роту B. Нам предстояло переправляться через реку Рапидо.

Американцы потеряли тысячи человек при попытках совершить нечто похожее. Мы выдвинулись вперед под покровом ночи и, когда добрались до определенной точки, нам приказали подхватить брезентовые лодки. По оговоренному сигналу вся наша артиллерия открыла огонь – все орудия, насколько мог видеть глаз. Затем была поставлена дымовая завеса ...

Мы выяснили, что немцы стреляют вдоль определенных направлений – это означало, что они заранее определили сектора обстрела. Над нашими головами начали

посвистывать пули, и мы, спотыкаясь, двинулись вперед на шум реки. Некоторые из нас были убиты уже тогда. Мы слышали шум реки вдалеке, в кромешной тьме, и старались бежать очень быстро. Многие парни в темноте свалились с берегового откоса в реку и утонули, поскольку бежали с полной выкладкой. Откуда-то снизу я услышал голос, но не мог разглядеть лодку. Я усился над откосом и стал пытаться что-нибудь нащупать ногой, когда кто-то стащил меня в лодку. Лодка тронулась к противоположному берегу. Много лодок снесло вниз по течению, но мы добрались до берега и почувствовали, что вражеский огонь здесь еще сильнее, чем раньше. По счастью, на берегу нашлась какая-то канава, и оказалось, что в ней спрятался едва ли не весь наш батальон. Ситуация была нелегкой. Немецкая артиллерия вела по нам огонь, но канава дала нам хорошее укрытие. Над нами проносились пулеметные очереди. Какой-то герой выставил голову и сразу же получил пулю. Нас прижало к земле на целых 24 часа, пока саперы не установили переправу (сборный мост *Бэйли/Bailey*) в месте под названием Сант-Анджело/Sant'Angelo, дав дорогу танкам.

Нашей следующей целью была хорошо укрепленная ферма, находившаяся на вершине горы с крутыми склонами. Вверх по склону вела расселина с крутыми бортами, при этом все пространство с флангов простреливалось немецкими пулеметами. Мы этого со своей позиции разглядеть не могли. Первой попыталась прорваться к ферме Рота *B*, но, как мы потом узнали, понесла тяжелые потери, не дождавшись прибытия танков поддержки. Я думаю, это была бессмысленная храбрость со стороны каких-то офицеров. В итоге на место прибыли танки, которые утихомирили немецких пулеметчиков. Я был автоматчиком, мне полагалось идти вперед в числе первых. Во мне было всего 5 футов и 4 дюйма, я бросился в атаку вверх по склону с тяжелым американским *Томпсоном/Thompson*, который был размером чуть ли не с меня. Я ожидал, что буду убит через секунду-другую, однако мы добрались до вершины, где оставшиеся в живых немцы сдались нам. По пути к вершине мы то и дело спотыкались о тела погибших ребят из Роты *B*. Все они были нашими друзьями.

Когда бой утих, нам приказали похоронить погибших товарищев. Полагалось снимать с них солдатские жетоны и забирать личные вещи, затем укладывать на носилки и спускать вниз. Все это были мои знакомые ребята. Они были моими ровесниками, которым тоже раньше хотелось хорошо прожить свою жизнь. С ними я был в учебных лагерях. С ними я переправлялся через реку в одной лодке. Теперь они были мертвые, и мне нужно было обыскать их и стащить вниз по склону. Я был опустошен: я потерял всех своих друзей и остался один ...

Джордж Роудс (George Rhodes), сержант 70-го Полка Королевской Артиллерии. Прошел через бои в районе города Салерно и оказался под Монте Кассино.

Четверг, 11 мая 1944 г. Генерал Александр издал приказ: «Мы планируем разгромить немецкие армии в Италии. В прошлом никакие армии в мире, идущие в бой, не имели более важной и праведной цели.» Ровно в 11 вечера 16 000 орудий открыли огонь. Мы перешли в наступление на отрезке фронта протяженностью в 20 миль. Слева от нас были две американские дивизии – 85-я и 88-я, они сразу же пошли в атаку на высоту под названием *Damian Hill*. Через 40 минут две французские дивизии захватили вершину *Monte Faito* высотой 3000 футов. Они были на правом фланге американцев, но слева от нас. Через 5 минут после французов 8-я Индийская и 4-я Британская дивизии, находившиеся справа от французов, бросились в реку Рапидо под интенсивным огнем немецких пулеметов. В час ночи обе дивизии Польского Корпуса начали подниматься на склоны горы Монте Кассино. Через два часа после начала наступления все войска вступили в бой.

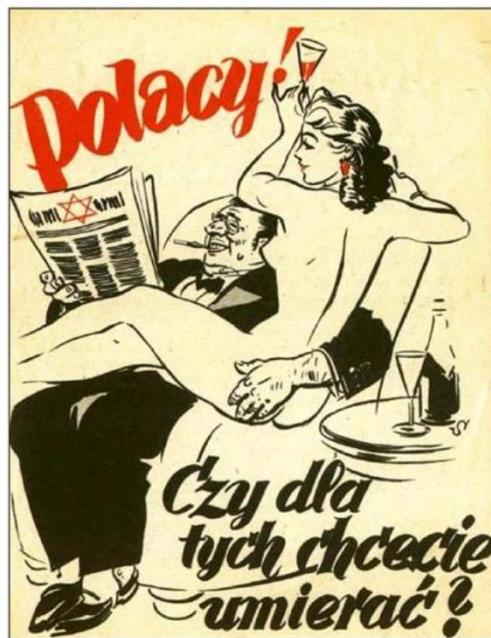
Находившиеся справа от нас поляки сначала успешно продвинулись вперед. Их командующий, Генерал Андерс, изучил обстоятельства наших трех предшествующих неудачных атак и пришел к выводу о необходимости одновременной атаки всех пунктов обороны, находящихся на его пути. Тем не менее, наступил рассвет, и немцы прижали поляков к земле, вынудив отойти к исходному рубежу.

3000 самолетов совершили в тот день 2750 боевых вылетов. На земле творился настоящий ад, но немцы, даже при этих обстоятельствах, перешли в яростную контратаку вдоль всей линии Густава. Ну и денек был – мое орудие раскалилось докрасна!

Воскресенье, 14 мая. Французы прорвались на участке Аурунчи. 8-я Индийская, 4-я Британская, наша 1-я Пехотная, 5-я Канадская Бронетанковая и 78-я Британская дивизии вновь вступили в бой. Генерал Жуэн бросил в бой своих марокканских гумьеров. Им предстояло взобраться вверх по склонам и ударить по немцам с тыла. Они не использовали винтовки – только ножи. Много немецких ушей было отрезано в тот день...

Вторник, 16 мая. В то утро имела место великолепная, классическая атака. 78-я, 6-я Бронетанковая и 1-я Канадские дивизии прорвали фронт. Все, что нам нужно было сейчас, – дождаться, когда поляки нанесут завершающий удар. Все шло по плану. Каждые полчаса нам сообщают о том, куда и сколько стрелять. За пять лет наше Военное Министерство пришло к выводу, что *блицкриг* Гитлера – наилучший способ наступательных действий. Теперь офицеры *RAF* находятся на наших наблюдательных постах, и, когда пехота вызывает авиацию, она наносит удар уже через несколько минут.

Среда, 24 мая. Поляки атакуют Пьемонте/Piedmonte. Они добились успехов, хотя потеряли 281 офицера, 3 503 солдата и сержанта, 102 человека пропали без вести. Все они были похоронены на склонах горы, которую мы знаем, как расположенную за Монастырской Горой (*Monastery Hill* – нередко встречающееся в англоязычных текстах название горы *Монте Кассино* - ВК) Высоту 593.

Немецкая листовка для польских солдат: Поляки! Хотите умереть вот за этих?

IMAGES of WAR. The real story of World War II. 27

Тео Дэвис (Theo Davies), британский солдат

Мы высадились в южной части Италии и отправились на восточное побережье. К декабрю 1943 года мы продвинулись до долины реки Сангро/Sangro. Что касается боя... ты просто должен приять это как есть. Ты обязан это сделать, и ты к этому привыкаешь. Это твой долг, и ты здесь для этого. По сути дела, это «работа».

Начиная с сентября [1943 года], погода ухудшилась. На нас вылилось какое-то огромное количество осадков, люди не могли поверить в то, как все раскисло. Условия были тяжелейшими. Нас вывели из долины Сангро и дали отдохнуть.

Затем мы были переброшены на участок Кампобассо/ Campobasso, где я с несколькими ребятами из роты попал в отряд, охранявший склад боеприпасов. Когда я был там в карауле, какие-то итальянские фермеры стреляли в сержанта и в меня, потому что, я думаю. они решили, что мы хотим обшарить их дом. В том районе было много краж. Тогда меня ранило в первый раз – получил в руку множество дробинок. Не самое лучшее начало...

Затем мы вернулись на передовую, высоко над долиной реки Сангро, где горы были в снегу. Там мы пробыли около двух месяцев, январь и февраль 1944 года. Я свалился с малярией. Подумали, что это случилось из-за того, что мы спали, зарывшись в сено, в котором были жучки. Я быстро поправился, со мной ничего серьезного не случилось.

В марте нас начали готовить к бою, и к концу месяца, как-то ночью, начали перебрасывать в составе конвоя, который привез нас к Кассино. Никто не говорил нам, куда мы отправляемся. Сначала нас держали в резерве. Всех отвели, потому что началась бомбардировка. Однако нам тоже досталось! Нашу часть особо не задело, но на многие другие бомбы падали. Там были, в основном, американские самолеты, но и британцы тоже отметились.

Какое-то время после бомбёжки мы оставались в резерве в долинах двух рек поблизости от Кассино, но в сам город не входили. Однажды ночью нам сказали, что мы идем в наступление. Мы выступили в полной темноте, поднимаясь на какую-то высоту. Насколько я помню, эту высоту (речь идет о Замковой Горе – ВК) взял Эссекский Полк/Essex Regiment, мы пришли, чтобы сменить их.

Мы карабкались вверх по склону этой горы, с собой у нас было столько боеприпасов, сколько мы могли унести. У нас были носильщики, которые тащили все это на себе. Подъем на эту скалистую вершину занял около двух часов, разумеется, немцы следили за нами, поэтому мы старались оставаться в тени и не попадаться им на глаза. По местности была проложена белая линия, показывающая нам путь наверх по проходу, расчищенному от мин. Сойти с этой линии на один шаг означало подвергнуть себя риску взлететь на воздух.

Солдаты из полка, в котором служил Дэвис. 26 марта 1944 года

Когда мы поднялись на высоту, нам показали наши позиции, но при этом сказали, что ночью мы пойдем в атаку. Мы должны были атаковать потому что, насколько я знаю, на высоте *Hangman* оказались отрезанными 10 солдат-гуркхов, и нашей задачей было вызволить их оттуда. Мы сразу же пошли в атаку вниз по склону. От замка во время сражения осталась только одна стена. Две стены были разрушены, позади осталась стоять часть еще одной стены. Спустившись по склону, мы оказались на какой-то дороге. Было темно, хоть глаз коли.

В этот момент прозвучали взрывы: справа, слева, в центре – мы были посреди минного поля. Дорога была густо заминирована, и атака была остановлена. Нужно было помочь раненым, и нам приказали отходить назад, карабкаться вверх, назад в замок. Меня самого ранило. Не то чтобы особенная рана, но мне посекло все лицо. Вы должны помнить, что там всюду были скалы, то есть, на нас сыпались не столько осколки от снарядов, сколько камни, разлетающиеся после взрывов.

Мой приятель, Клифф Ллойд из Порт-Толбота/Port Talbot, был тяжело ранен. Вернувшись в замок, мы ждали контратаки. Раненых эвакуировали на следующее утро, мы спускались под флагом с красным крестом, и огонь прекратился. Клиффа отправили в Неаполь, потому что его состояние было критическим. Ну а мне заклеили царапины пластырем и отправили назад. Лицо зажило уже через десять дней.

Через день после того, как я ушел с ранеными, немцы контратаковали, но наши парни отбились. Больше контратак не было на протяжении шести недель. В этот отрезок времени мы проводили на передовой от четырех до восьми дней в зависимости от того, как шли дела и как справлялись те, кто сменял нас. Мы были там примерно до конца апреля, потом нас отвели, и мы приступили к боевой подготовке вместе с канадскими танкистами.

Несколько недель шло обучение, потом нас перебросили назад, так как погода улучшалась. Дожди все еще шли, было сырое, земля была вязкой, но становилось теплее. Вернувшись к Кассино, мы расположились в долине, за пределами города. Мы были готовы наступать вслед за канадцами. Дело было в мае, танки прорвались примерно 18-го.

Дым над Замковой Горой. 6 февраля 1944 года

Немцы, против которых мы сражались, все были десантниками. Это были, вне всякого сомнения, крепкие бойцы. И дело не только в этом, ведь они были обстрелянными солдатами, которых перебросили с Русского фронта. Так же, как и мы, думаю, они получали подкрепления, потому что, как и мы, несли потери. Им было легче, чем нам, потому что они были на заранее подготовленных позициях. Они знали, что делать, когда отступили от Салерно, и потом продолжали укреплять свои позиции. Немцы в точности знали, на что мы нацеливаемся. Они были безжалостны, и заставляли итальянцев укреплять для них линию обороны. Они хорошо знали, что им нужно, и, если вы представляете себе характер местности в Италии, то знаете, что там легко обороняться: куда ни пойдешь, везде горы. Превосходная местность для [обороняющихся] немцев, и мы сражались с полной отдачей всю дорогу. Многие пехотинцы потом говорили: «Я знаю Италию, я прошел ее всю пешком!»

Немецкие десантники в руинах аббатства

На вершинах мы видели красивые деревни, но все их приходилось защищать.

Итальянцы... относились к нам превосходно. Я пришел к выводу, что, если ты обращаешься с людьми должным образом, то и они будут так же к тебе относиться. Они были добры к нам...

Наше положение на занятой высоте было таким трудным, что днем вообще невозможно было куда-либо двинуться. Мы постоянно держали монастырь в поле зрения, но никакого движения там не было видно, и обзор нам закрывала задняя стена. Наблюдение вели наши офицеры, и кроме них никто не мог видеть, что происходит на горе. Мы сидели в своих *сангараах/sangars*. *Сангарами* мы называли наши окопчики, но, на самом деле, вырыть что-то было невозможно, потому что грунт повсюду был скальным. Мы строили что-то наподобие укрытия, а сверху набрасывали бревна или брусья и все, что попадалось под руки и могло защитить...

Оборонительные позиции британцев на горном склоне

Каждый день нужно было держать все под наблюдением, тем временем *Джерри* *** все время держал тебя под минометным огнем. Нужно было гарантировать то, что любая атака противника будет отбита. Мы всегда с облегчением смотрели на то, как в ясную погоду в небе появлялся самолет-разведчик, высматривающий артиллерийские позиции немцев, потому что на это время его пушки и минометы замолкали. Если они продолжали вести стрельбу, и самолет-разведчик замечал их, авиация совершила налет на их позиции, что давало нам передышку минут на двадцать. Самолет-разведчик был небольшим старым бипланом...

Британский солдат с пулеметом Брен. Окрестности Монте Кассино, май 1944 года

Настоящих боев было немного, потому что не в кого было стрелять, но минометы работали все время. Припоминаю случай, когда в сангаре кроме меня было еще двое парней. В дневное время ротация происходила так: один человек сменял другого. Когда я, согнувшись, забирался в сангар, за моей спиной раздался взрыв, и я почувствовал сильный удар по спине. В меня действительно угодил осколок, но он даже не порвал мои брюки. Он вообще никак меня не ранил. Думаю, случилось это потому, что я согнулся в три погибели, чтобы забраться в окопчик. Вообще, я долго потом ходил в синяках...

На завершающей стадии сражения (операция *Diadem*) мы продвигались за канадцами, зачищая местность от немцев. Сопротивление, с которым мы столкнулись, было обычным делом – пулеметным и ружейным огнем пехотинцев. Нужно просто постоянно продвигаться вперед. Иногда они пытаются свалить тебя очередью, и нужно прижиматься к земле, но затем ты сам открываешь огонь и оттесняешь их. Единственный путь к достижению успеха – идти вперед, оставляя за собой немецкие трупы.

Подбитый танк Шерман/Sherman и сборный мост Бэйли после сражения за Монте Кассино

Мы продвигались вверх по долине реки Лири какое-то время вместе с канадцами, потом нас вывели из боя. Нам дали передохнуть, и мы больше не вступали в бой вплоть до освобождения Рима. Американцы вошли в Рим, но мы такой чести не удостоились... Мы продвинулись к северу от Рима, и 19 июня я был ранен снова в бою у Тразименского озера (Trasimeno) и надолго угодил в госпиталь. Это было третье ранение. Я вернулся в дивизию, но в январе 1945 года покинул ее близ Болоньи после контузии.

Я лично думаю о Монте Кассино как о страшном месте. Жаль, что его невозможно было обойти. По моему мнению, это не прорыв поляков к монастырю решил дело. Это был прорыв марокканских гумьеров и 5-й Армии американцев с другой стороны долины (на левом фланге – ВК), где немцы не ожидали этого. Немцы испугались того, что могут быть полностью отрезаны, и, думаю, это повлияло на их решение уйти. Это облегчило полякам прорыв со стороны Высоты 593.

Я не думаю, что заслуги тех, кто сражался под Монте Кассино, оценили достойно. Это было жесточайшее сражение. Я бы не сказал, что оно было столь же масштабным, как высадка в Нормандии, но это сражение оказалось забытым, вне всякого сомнения. Это было ужасным, и, с моей точки зрения, самым ожесточенным сражением на Средиземноморье. Во всех других боях, через которые я прошел, я думал, что выживу, но при Монте Кассино уже в это не верил. Постоянные обстрелы, не шелохнешься, все время под наблюдением противника... Большие потери. Мы были просто *сидячими утками*, и нам приходилось держаться на каждом рубеже, который оказывался в наших руках. Если бы не это, мы бы не продвинулись на север так далеко.

После сражения про Итальянский фронт так мало писали в домашней прессе, что появилась песня *D-Day Dodgers* (см. один из вариантов текста и перевод в конце статьи – ВК). Она не могла не появиться, потому что, уж не знаю, правда это или нет, но Леди Эстор**** сказала в Палате Общин (возможно, это легенда или просто кто-то слышал это от нее – ВК) что-то о парнях, которые служат в Италии, чтобы отсидеться от участия в высадке в Нормандии. Не думаю, что это правда, подозреваю, что это было запущено немецкой пропагандой, но, само собой, настроение у солдат в Италии было настолько неважным, что им хотелось верить в это....

О солдатах других национальностей... Остается только восхищаться ими, потому что мы знали, как они сражаются. Я восхищался индийцами. Американцы были крепкими бойцами, единственное что – они были слегка недисциплинированными. Когда дело подходило к замене их [на передовой], они могли оставить на позициях пару часовых и свалить в один момент. Мы же стояли на месте до того момента, пока сменяющие не прибудут на место в полном составе.

Вклад в победу в войне тех, кто сражался в итальянской кампании, был огромным, потому что связал большое количество немецких войск. Американцы не особенно хотели идти в Италию, но я думаю, что это было одним из самых разумных шагов. Закрепившись на полуострове в таких местах как Фоджа/Foggia, американские и британские бомбардировщики среднего размера получили возможность снабжать партизан в Югославии и Греции прямо из Италии и наносить большой ущерб противнику на Балканах.

Это было большим вкладом в военные усилия. Лично я думаю, что итальянская кампания была большим успехом также и потому, что мы получили возможность посыпать рыбакские суда в Югославию и Грецию и снабжать партизан.

Мы стачивали немцев понемногу. Не будь нас в Италии, вероятно, на русском фронте оказалось бы еще 20 немецких дивизий, и война не закончилась бы столь скоро. Да и в День D/D-Day у немцев было бы побольше войск [на побережье]. Теперь все мы можем сформировать свое мнение более обоснованно, после всех этих событий, тогда как в то время, когда я был на передовой, я понятия ни о чем не имел и больше думал о том, как выжить...

Майор Фред Мэдждэлэни (Fred Majdalany), полк Ланкаширских Стрелков/Lancashire Fusiliers

... Как только командный пункт был оборудован в месте расположения резервной роты, Джон ушел вперед, туда, где находилась рота Кевина. Он взял меня с собой. Они превратили свой сектор в компактный укрепленный участок. Их оставалось менее пятидесяти человек из девяноста – тех, кто пошел в атаку утром. Местность была покрыта такими густыми зарослями деревьев, что просматривалась не более чем на пятьдесят ярдов. Парни заняли превосходные немецкие траншеи. Некоторые из них просматривали ярко иллюстрированные журналы, оставшиеся от бошей****. Они были заполнены живописными картинками – представлениями художников о боевых действиях в районе Кассино. Там были такие подписи как «Наши десантники, супервоины, отражают атаки англо-американских орд в пекле Кассино.» Все было на этом уровне. Был там и журнал мод, казавшийся немного не в струе: по нему можно было предположить, что рейнские девицы вовсе не были теми тусклыми синими чулками, в которых их старались превратить нацисты. На участке был новый стальной ДОТ знаменитой конструкции – врытый в землю, с тремя комнатами и набитой всякой всячиной кладовкой. Над землей возвышалась небольшая округлая башня, отлично замаскированная.

В нескольких ярдах все еще горел танк Джефферсона (Francis Arthur Jefferson, 1921–1982, на фото слева). Все только и говорили об этом парне. Все говорили, что он спас роту. Танк смел целое отделение с дистанции в 60 ярдов и продолжал укладывать остальных по одному или парами, пока их не осталось меньше полусотни. Потом Джефферсон, безо всякого приказа, схватил PIAT/ПИАТ (Projector, Infantry, Anti-Tank, буквально «гранатомёт, пехотный, противотанковый») — британский ручной противотанковый гранатомёт) и подобрался к танку на расстояние в несколько ярдов. Не имея возможности выстрелить из укрытия, он встал и выпустил заряд, при этом обратная волна повалила его на спину. Он сумел подняться на ноги и нацелился на второй танк, но тот успело откатиться назад, и с ним отступила пехота бошей. Джефферсон был типичным ланкаширцем из числа лучших – спокойный, твердый и, скорее, скромный, однако при необходимости способный действовать быстро, но без спешки...

Ночью мы получили приказ продолжить продвижение вперед в 6 утра и закрепиться на следующем рубеже – *Bluebell*. Это было нужно, чтобы синхронизировать наши действия с действиями поляков, которым предстояло осуществить финальную атаку, обойти немцев к северо-востоку от Кассино, начав с нашей старой позиции, и перерезать шоссе. Было уже заметно позже трех утра, к тому моменту, когда все были накормлены и запаслись

боеприпасами, когда пришел этот приказ о возобновлении наступления. Перед тем, как вздремнуть, Джон сказал: «Я собираюсь представить Джефферсона к Кресту Виктории.»

Без четверти шесть земля задрожала, и вновь над головами понеслись снаряды, так густо, что возникало желание разглядеть их. В то же время другая артиллерийская группа начал поливать огнем Монастырскую Гору, чтобы поддержать поляков. Чуть ли не сразу пыль, дым и пламя окутали монастырь, так что, когда наши роты *Dog* и *Baker* продвигались мимо позиций роты *Charlie*, монастырь уже не был виден. Пришло время прикончить их. Мы пришли за этим. Поляки обходили монастырь справа, мы были в двух с половиной милях от них, в долине. Конец был близок. Мы сразу перерезали шоссе – то, что на протяжении столь долгого времени делало монастырь неприступной крепостью, теперь превратило ее в ловушку...

По сравнению с предыдущим днем мы продвигались без особых трудностей. Были снайперы, одно или два изолированных пулеметных гнезда, но, казалось, немцы не были настроены упорно сопротивляться, и к тому времени *Baker* и *Dog*, поддержанные танками из прибывшего подкрепления, плотно закрепились на рубеже *Bluebell*, продвинувшись еще на тысячу ярдов вперед. Мы получили приказ наступать как можно быстрее. Так *Baker* и *Dog* снова пошли вперед в направлении окончательного рубежа для наступления – *Tulip*, находившегося в 1 200 ярдах дальше. Роты *Able* (сленг для A), *Charlie* (сленг для C) и командный пункт продвинулись на рубеж, который только что зачистили роты *Baker* (сленг для B) и *Dog* (сленг для D). К четырем часам дня *Baker* и *Dog* передали, что они вышли на рубеж *Tulip* – обе роты установили наблюдательные посты, с которых просматривалось Шоссе 6 (шоссе, протягивающееся параллельно побережью к ЮЗ от Монте Кассино – ВК). Обе роты запросили разрешения на дальнейшее продвижение, чтобы пересечь шоссе и разведать пространство за ним. Нам приказали оставаться на месте, поскольку точное местонахождение поляков оставалось неизвестным, и могли случиться ошибки в том случае, если и мы, и они начали бы крутиться в одном и том же месте близ дороги... Мы были на господствующей позиции над ней – мы сделали то, что от нас требовалось, и должны были дожидаться дальнейших приказаний.

Baker и *Dog* получили приказ в ночное время патрулировать местность, не переходя на другую сторону дороги. Нам не разрешали посыпать патрули на ту сторону до самого утра. Теперь это была уже формальность. Джон послал специальный патруль из трех капралов, всех с *Военными Медалями*. Они пересекли шоссе, осторожно осмотрели овраги и развалины, но все немцы, на которых они натыкались, были мертвые. Парни не теряли времени. Каждый вернулся со *Шмайссером/Schmeisser*, фотокамерой, часами и биноклем бесподобного немецкого качества. Еще через час поляки вошли в монастырь. Это был четверг 18 мая. Сражение длилось неделю.

The Mammoth Book of HOW IT HAPPENED. WORLD WAR II. Edited by Jon E. Lewis. London, 2002

N. Arthur Helps, Черный Дозор/Black Watch, 3-й Батальон, Royal Regiment of Scotland

Я особенно хорошо помню, как гуркхи – храбрейшие из солдат, которых я когда-либо видел – пошли в атаку на вершину Монте Кассино... Они были в 20 метрах от нее, когда им пришлось повернуть назад. У них кончились патроны и все припасы, а доставить их им было невозможно. В их глазах были слезы, когда они отступали через наши позиции.

Когда мой батальон численностью 1001 человек пошел в атаку на город Кассино, через три дня боев от него осталось 97 человек. Представьте себе, что я чувствовал: только что я

говорил с товарищем, повернулся к нему и увидел, что он ранен или того хуже. Или когда после немецкого артобстрела из девяти человек, между которыми всего по 2-3 метра, с места могут сдвинуться всего трое. Мне повезло: меня зацепил лишь один осколок, попавший мне в левую лопатку. И во всех боестолкновениях я мог положиться на дисциплинированных и хорошо обученных парней, находившихся по обе стороны от меня...

ПОЛЯКИ

Казимеж Гурбель (Kazimeirz Gurbiel – 1918-1992), лейтенант 4-го взвода 1-го эскадрона 12-го полка Подольских Уланов, 3-я Карпатская Дивизия

Высота 593 была взята между 7 и 7.30 утра 18 мая. Может, на час позже. Меня отправили на разведку с 13 солдатами. Я оставил несколько человек на посту у стен монастыря и повел половину своих парней с собой в направлении развалин. Стрельбы не было, мы услышали, что немцы ушли. Повсюду между камней были видны маки, кроваво-красные маки ...

Должно быть, в районе 9.30 мы вошли в развалины аббатства. Со мной был силезец, который отлично говорил по-немецки. Я попросил его прокричать, что «у нас нет намерений убивать кого-либо», в конце концов, сегодня они оказались в плену, завтра, может быть, это будем мы.

Появился немецкий офицер. Он попросил предоставить ему полчаса, чтобы подготовиться к сдаче в плен по всем правилам чести. За минуту до того, как истекло это время, он подошел ко мне и сказал, что мы можем пройти дальше. В этот момент один из моих уланов сказал: «Лейтенант, тут какая-то дыра.» - Я ответил: «Ну-ка пойдем посмотрим, парни» и, взяв с собой шесть или семь человек, прошел в часовню (или склеп? – ВК) Святого Бенедикта. Там я увидел троих раненых мальчишек. В их глазах я увидел страх и сказал через своего силезца: «Не беспокойтесь, мальчики, ничего плохого с вами не случится.» Всего там оказалось 17 или 18 немцев и достаточно провианта, чтобы накормить целую армию.

Мы подняли наш флаг, сшитый из множества кусков материи около 10 часов утра. После всех этих боев, после всех этих месяцев сражения сам монастырь был взят без единого выстрела ...

Капран, и.о. офицера Збигнев Флешар (Zbigniew Fleszar), 3-я Рота, 1-й Батальон, 1-я Бригада 3-й Карпатской Дивизии. Самовольно покинул временное место назначения в тылу, чтобы присоединиться к своей роте и принять участие в боях.

Мы знали, что бои за Кассино будут серьезным испытанием. Мы просто не хотели пропустить это событие. После того, как Сталин разорвал отношения с польским правительством, он обвинил нас, поляков, в том, что мы не хотим сражаться против немцев, поэтому, каким бы малым ни был наш вклад, мы хотели принять участие в сражении. Победа при Монте Кассино должна была стать нашим даром Польше.

Мы получили приказа занять ущелье. Моеи роте предстояло добраться до склона, спускающегося к ущелью, и прикрыть продвижение и атаку наступающей роты. Мы были загружены под завязку всевозможным снаряжением и сразу хорошо вспотели. Не думаю, что нам было страшно – мы просто были настороже.

Рота покинула *Big Bowl* (понижение в рельефе, прозванное *Большая Миска* - пол. - *Wielka Miska*) сразу после наступления темноты, прошла *Small Bowl* (понижение в рельефе, прозванное *Малая Миска*) и начала медленно продвигаться к цели через кустарник, которым заросла каменистая поверхность. Тут над головами со свистом пронесся снаряд, потом другой, третий ... У меня было такое чувство, будто над нашими головами строится железный мост, и как это так, что снаряды еще не начали сталкиваться друг с другом. Больше тысячи орудий вели огонь. Грохот орудий сотрясал горы. Высота *Фантом/Fantom*, находившаяся напротив нас, горела. Каждую секунду до нас доносился разрыв снаряда.

Обливаясь потом, мы продолжали продвигаться вперед, но тут начался настоящий ад. Мы не ожидали этого. Среди нас начали рваться тяжелые снаряды. Мы было подумали, что это наша же артиллерия ведет огонь, но их снаряды не долетают до цели, но это были немецкие снаряды. Моеи роте повезло: барраж задел только замыкающую часть нашей колонны, но следовавшие за нами роты были не столь удачливы. В результате артобстрела первый батальон потерял почти половину своего состава убитыми, ранеными и контуженными. Мы дошли до цели, сбили выдвинутые вперед немецкие посты и расположились над ущельем, дожидаясь следовавшей за нами роты.

К вечеру 12 мая командующим корпусом принял решение остановить атаку. Захваченные позиции были оставлены. По какой-то причине мне с небольшой группой людей пришлось принять участие в завершающем бою. Наш 3-й Взвод вместе с командиром роты почему-то не получил приказ к отступлению. Он так и просидел над ущельем всю ночь и весь следующий день. Мой взводный командир, глядя мне в глаза, объявил, что нужны добровольцы, чтобы найти их.

Был сформирована небольшая группа во главе с лейтенантом, вторым по должности в роте. «Собрался в поход за крестом? - спросил кто-то. - Да, - ответил я. - Возможно, за деревянным.» Мы вернулись и нашли потерявшуюся парней. На пути назад в перестрелке лейтенант был убит, несколько ребят получили ранения.

Теперь на горе Кальварио/Calvario, на мраморных плитах высечены имена павших солдат 3-й Карпатской Дивизии - 1045 могил, которые смотрят на аббатство. В центре кладбища воздвигнут крест в виде ордена *Wirtute Militari* (Воинской Доблести) – высшей польской воинской награды, здесь же горит вечный огонь. На круге написано: *Passer-by, tell Poland, that we fell faithful in her service / Прохожий, расскажи Польше, что мы пали, верные своему долгу перед ней.*

IMAGES of WAR. The real story of World War II. 27

Ромуальд Липински (Romuald Lipinski), 12-й Полк Подольских Уланов/12th Podolski Lancers Regiment

Где-то в начале апреля нашу часть сняли с линии Sangro (Sangro Line) и перебросили в полевой лагерь близ Кампобассо/Campobasso, расположенный в центре полуострова. Мы провели в нем около трех недель, в течение которых снова прошли через интенсивные и утомительные тренировки, направленные на повышение выносливости. В итоге, нам сказали, что нас отправляют под Монте Кассино, и мы понимали, что это означает. Мы

спышали о фиаско под Анцио. Находясь в районе Пескопеннатаро/Pescopennataro, мы видели вспышки артиллерийских залпов и знали, что союзникам там крепко досталось. Когда пришли известия о том, что мы направляемся к Монте Кассино, мы знали, что оттуда вернутся далеко не все...

Прибытие

Мы добрались до Кассино 30 апреля 1944 г. Наш временный лагерь был разбит в оливковой роще в нескольких километрах от города. Было около 16.00, когда я вышел к краю рощи и взглянул на монастырь. Перед мной расстилалась долина, наверное, километра четыре в ширину, а на противоположном склоне долины начинались горы с довольно крутыми склонами высотой примерно футов в 500. Слева от меня открывался захватывающий вид на гору, затянутую дымом, и руины когда-то прекрасного монастыря. Еще одно произвело на меня впечатление: между нашей оливковой рощей и склонами гор вся долина была покрыта красивыми красными маками. Их красота резко контрастировала с мраком и ужасами войны. Позднее, когда мы уже вступили в бой и когда мне хотелось отвлечься от реалий ситуации, в которой мы оказались, я часто смотрел на эти прекрасные цветы и находил успокоение в том, что хоть в чем-то продолжается жизнь, жизнь умиротворенная и счастливая, в которой люди просто живут своими ежедневными заботами, жизнь, так сильно отличающаяся от нашей. Может быть, есть какая-то правда в песне *Алье Маки Монте Кассино/Red Poppies of Monte Cassino*, которую сочинили о нас и в которой поется о том, что маки стали еще краснее от того, что вобрали в себя польскую кровь...

При виде открывшейся панорамы становилось очевидным, что противник, занимавший позиции на вершинах, отлично просматривал всю долину и горные склоны, где находились наши части. В тот момент я еще не знал всей истории сражения за Монте Кассино, не знал о том, что бои за эти горы продлятся четыре месяца, но я понимал, что будет «жарко» и что мы вот-вот пойдем в атаку вверх по этим склонам. Глядя на цепочку гор напротив меня, я видел разрывы артиллерийских снарядов всюду и везде – это наша артиллерия обстреливала позиции противника, скрытые в складках местности.

Вверх по склонам

Нам приказали сдать в штаб все документы, которые могут дать возможность идентифицировать нас всех по именам или принадлежности к полку. Все личные бумаги, письма семьям, документы и т.п. было необходимо собрать и оставить в полковом штабе. Нам разрешили оставить на себе только солдатские жетоны и такие вещи, как одеяла, котелки и, само собой, оружие - в моем случае – винтовку и боеприпасы. Нам выдали специальную обувь или, в ряде случаев, резиновые башмаки. Думаю, 30 апреля или 1 мая, как только стемнело, мы начали свой марш в сторону гор. Мы получили приказ о запрете всяких разговоров во время марша, так как противник мог открыть артиллерийский огонь, ориентируясь на расслышанный звук. Водители грузовиков и бронетранспортеров остались со штабом.

Польские солдаты карабкаются вверх по склонам Монте Кассино во время операции Diadem

У подножия гор находилось русло быстрой реки Рапидо которую мы перешли по деревянному мосту. На противоположном берегу находились какие-то в различной степени разрушенные казармы. Наш марш был приостановлен, потому дальше мы могли продвигаться вверх по склону только по узкой тропе. Транспортная колонна из мулов спускалась по этой тропе навстречу нам: тропа была слишком узкой, чтобы по не могла пройти еще и наша колонна. Продвижение вверх по склону в стороне от тропы было невозможным из-за обилия мин. В ожидании момента, когда пройдет конвой, мы, как сардины в банке, заполнили небольшой дворик рядом с казармами и ждали часа полтора перед тем, как возобновить марш. Когда мы взобрались на склон достаточно высоко, чтобы последние из нашей колонны покинули место, где находились казармы, туда упали вражеские снаряды или мины. Если бы немцы обстреляли нас всего несколькими минутами раньше, там была бы кровавая каша... Мы продолжили движение в полном молчании, и сейчас уже трудно сказать, сколько времени занял марш. В конце концов, мы достигли позиций, которые ранее занимали наши предшественники. Думаю, это были британцы. Нам не нужно было что-либо менять: на позициях были минометы, и их цели были помечены. Одной из целей был монастырь. Трудно сказать, в каком месте мы в тот момент находились. Исходя из того, что я прочел о наших перемещениях в то время, мы, должно быть, находились в месте, получившим название *Большая Миска*.

Через два дня нас переместили на левый фланг сектора, занимаемого польскими частями, - на высоты, с которых почти целиком просматривался город Кассино. Дальше влево располагались какие-то части XIII-го Корпуса британцев. Со мной в окопчике был парень по имени Стефан Страш (Stefan Strasz). До войны он был плотником и был сильным, как конь. Отличный был товарищ. Вместе мы нашли какие-то деревянные брусья и притащили их к нашей стрелковой ячейке. Из них мы сделали что-то вроде укрытия. Закопаться в землю было невозможно, потому что под нами был скальный грунт. Мы нашли какой-то разрушенный сарай с бетонным полом и одной бетонной стеной, обращенной в сторону гор. Мы уперли наши брусья одним краем в бетонную стену, прикрыли их (брэзентом? – ВК), чтобы защититься от дождя, и это стало нашим укрытием. Места там было ровно

столько, чтобы можно было спать вдвоем. Площадь бетонного пола была не больше чем 12 квадратных футов, и наше укрытие оказалось фута четыре в ширину. Немцы обстреливали нас, вероятно, из минометов, обычно по ночам. Одна мина взорвалась прямо рядом с нашим укрытием, не дальше, чем в паре футов от нас. Вероятно, это была мина или гаубичный снаряд, поскольку ее или его траектория была слишком крутой для пушечного выстрела. Во время артобстрела я впервые в жизни перенес приступ клаустрофобии. Когда кого-то, в опасной ситуации, запирают в помещении, у человека появляется сильнейшее желание вырваться на простор, подальше от замкнутого пространства. Здравый смысл говорит тебе, что безопаснее будет оставаться там, где ты сейчас находишься, тем не менее, человеку хочется вырваться наружу. Я прошел через это много раз. Иногда мне приходилось быть под артобстрелом в передвигающемся по дороге бронетранспортере. Тогда я чувствовал позыв к тому, чтобы выпрыгнуть из него и залечь в кювете, хотя бронетранспортер защитил бы меня от осколков разорвавшегося рядом снаряда. У бронетранспортера не было крыши, но стальные борта давали хоть какую-то защиту от пулеметного огня и осколков...

Мы знали, что нам предстоит идти в атаку на монастырь и что мы должны будем сыграть ведущую роль в этом наступлении. Я служил в минометном взводе, и мы не должны были находиться непосредственно на переднем крае. Наше укрытие было хорошо замаскировано и едва ли его могли видеть немцы, но нам приходилось передвигаться, пригнув голову, поскольку в противном случае противник немедленно открывал огонь.

Наши передовые взводы находились близко от немецкой передовой – на расстоянии броска гранаты. Иногда, когда пехотинцы просили нас открыть огонь по немцам, некоторые из наших мин падали на наши позиции из-за такой пространственной близости к немецким позициям. Однако нам не разрешали переносить огонь дальше вглубь, так как, как говорили пехотинцы, в этом случае мины будут падать за передовой линией противника.

Нам постоянно не хватало продовольствия и воды. Все приходилось доставлять на мулах, а на последнем отрезке – на плечах. Иногда мулы, из-за вражеских обстрелов сошедшие с ведущей вверх по склону тропы, подрывались на минах, и нам доставалась только небольшая часть отправленных нам припасов. По счастью, у подножия гор мы нашли старый американский склад продовольствия. Когда-то его разнесло артиллерийскими снарядами, поэтому вокруг было разбросано великое множество консервных банок с самыми разнообразными продуктами. Мы нашли безопасный подход к складу, и, когда нам был нужен провиант, мы приносили оттуда то, что могло дополнить наши пайки...

Цена войны

На участке, где мы находились, было хорошо видно, какие следы оставляет война. Не осталось ни одного дерева с зелеными листьями на деревьях. Только голые ветки и пеньки, раскиданные повсеместно. От травы тоже ничего не осталось – только голые камни, покрытые пылью. И еще мы хорошо видели следы того, что здесь происходило раньше – трупы. Некоторые разложились уже наполовину, некоторые были присыпаны землей – в большинстве случаев, известковой пылью. Это были следы ожесточенных боев, которые продолжались здесь, начиная с января, когда 34-я и 36-я Дивизии американцев предприняли свою первую атаку, переправились через реку Рапидо и были буквально расстреляны немцами. Обе эти превосходные дивизии практически прекратили существование как боевые единицы. Вся история сражения могла быть прочитана при взгляде на эти трупы. Здесь были трупы американцев, немцев, гуркхов, британцев... У

некоторых из них лица были наполовину съедены насекомыми, мышами или еще какими-то животными, останки почернели, глазницы были пусты, только зубы все еще сверкали. Смрад от трупов был просто удушающим. Они успокоились навсегда несколько месяцев назад, и каждый раз, когда я видел труп, меня посещала грустная мысль: не буду ли я вскоре выглядеть так же? Я понимал, что шансы мои уцелеть невелики и это было только лишь вопросом времени, что моя очередь придет рано или поздно и на меня кто-то другой будет смотреть вот так же, как я смотрю на этих мертвцевов, которые когда-то были молодыми, веселыми, полными жизни и надежд на будущее...

И еще эти мухи. Они были большими и жирными, они облепляли мертвые, разложившиеся тела. Запах смерти преследовал тебя повсюду. А там, внизу, расстилалась живописная долина, поросшая красными маками...

К северу от монастыря находилась цепь гор, занятие которых считалось ключевым для успеха наступления в целом. Наша роль в наступлении заключалась в следующем: нам было нужно обеспечить огневую поддержку левому флангу 3-го Батальона 3-й Карпатской Дивизии, который располагался напротив знаменитой *Высоты 593*, на которой находилось множество немецких ДОТов. По этой причине наши наиболее выдвинутые вперед части – 2-й и 3-й Эскадроны (названия сохранились от кавалерийских времен) - были максимально сближены с немцами. Разумеется, в таких условиях любые перемещения могли происходить только в ночное время и, даже тогда, при полном молчании. Расстояние между нашей передовой до монастыря равнялось примерно 700 метрам, а до ближайших немецких ДОТов было всего 80-100 метров. Немцы занимали *Высоту 445* – небольшой холм, носивший название Д'Онофрио/D'Onofrio – она доминировала над всем сектором фронта. Где-то метрах в 900-х к северу, не доходя до нашей передовой, находился полковой штаб, ранее занимавший один из домов, разрушенный артиллерийским огнем. Там уцелели две комнаты, которые давали хоть какое-то укрытие. Метрах в 500-х к востоку от полкового штаба находился 1-й Эскадрон, резервный. Наши минометы располагались немного к югу от полкового штаба. Сейчас уже трудно точно привязать к местности наши позиции. Их описание приведено в соответствии с информацией, приведенной в книге по истории 12-го Подольского Уланского Полка/Ułani Podolscy и в книге по истории 3-й (Карпатской) Пехотной Дивизии. В частности, из последней известно, что еще до начала наступления (4-е Сражение за Монте Кассино) 3-я Дивизия потеряла 236 человек, включая офицеров, из-за постоянных артобстрелов противника.

Начало наступления

Наступление началось с артиллерийского обстрела ровно в 23.00 11 мая 1944 г. Я такого раньше не видел. Вся местность, покрытая оливковыми рощами, изрыгала огонь. Что-то подобное я видел в фильме об [Эль-Аламейнском сражении](#). Был слышен гул снарядов, рассекавших воздух. Немцы какое-то время не отвечали, но потом открыли ответный огонь. Позднее мы узнали, что наша артиллерия не сумела нанести немцам большого ущерба. У них тоже было два типа укрытий: боевые для того, чтобы обстреливать нас, и прочие, чтобы укрываться в них от наших артобстрелов и бомбардировок. Боевые укрытия были хорошо замаскированы и в большинстве своем представляли из себя металлические ДОТы, врытые в скальный грунт.

Одной из проблем, с которой столкнулись наши наступающие части, было отсутствие разведданных о расположении немецких пулеметных точек. Немцы же хорошо знали, как замаскироваться. Укрытия, в которых они спали, обычно располагались в больших

пещерах, хорошо защищавших от воздушных атак и артиллерийского огня. В них хранились различные припасы, там же располагались временные перевязочные пункты и пр. Таким образом, когда наша артиллерия начала обстрел, немцы укрылись в пещерах и сумели избежать больших потерь.

Когда наша пехота начала продвижение вперед, немцы заняли свои огневые позиции, и наши части столкнулись с упорным сопротивлением противника. Еще одно стоит отметить, и это не упоминается во многих источниках – когда началось наступление, немцы выдвинули к передовой подразделения, ранее укрывавшиеся в монастыре. Таким образом, хоть и понеся более ощутимые потери на ранней стадии сражения, они получили возможность бросить в контратаки большее число людей, чем могли бы собрать из первой линии обороняющихся.

Наша организационная структура была скопирована с британской системы. 12-й Полк имел боевую группу, состоящую из трех эскадронов, в каждом из которых было по 9 офицеров и 80 солдат и сержантов. Кроме того, в каждом эскадроне было по взводу минометов, противотанковых ружей, взводу связи, административному взводу и других служб (медицинский взвод и пр.) В пехоте базовой единицей является батальон, состоящий из трех рот со 120 солдатами и сержантами и 5 офицерами в каждом и с прочими службами. Общая численность людей в батальоне равнялась 808 солдатам и сержантам 37 офицерам.

Первоначальный успех и контратака немцев

Первоначальная атака 2-го Батальона 1-й Бригады 3-й Карпатской Дивизии была успешной. Батальон быстро взял Высоту 593 и начал продвигаться в направлении Высоты 569, но вскоре последовала контратака немцев. Трудно определить, сколько было таких контратак. После нескольких из них наша пехота, измотанная, понесшая большие потери и оставшаяся без боеприпасов была вынуждена отступить. Потери были ужасающими: из трех рот 2-го Батальона из боя вышли 5 офицеров и 37 солдат. Общее число потерь убитыми, ранеными и пропавшими без вести достигло 216 человек. Не меньше досталось и 4-й Роте 3-го Батальона, поддержавшей атаку 2-го Батальона на Высоту 593. Из всей этой роты вернулись командир и 10 солдат.

Одновременно с атакой на Высоту 593 силами 2-го Батальона 1-й Батальон атаковал ферму Масс Альбанета/Mass Albaneta, расположенную к северу от Высоты 593. И в этом случае, после боя, продолжавшегося всю ночь и добрую часть следующего дня, 12 мая, Батальон был вынужден отступить на исходные позиции с тяжелыми потерями.

Следует отметить, что трудно оценить процент потерь по отношению к общей численности атакующих, так как только некоторые подразделения Батальона участвовали в атаке. Далее к северу танки 4-го Танкового Полка попытались прорваться к пункту Gardziel. Дорога, по которой им пришлось продвигаться, была основательно заминирована нашими предшественниками, а данных по этому вопросу не было. Три ночи подряд перед наступлением саперы были заняты разминированием, но, несмотря на тяжелые потери, им удалось расчистить только около 250 м полотна дороги, удалив 59 мин. В итоге, понеся тяжелые потери, танковый полк отступил...

В случае успеха атаки 3-й Карпатской Дивизии, 12-й Полк Подольских Уланов должен был атаковать Высоту 445 и затем проследовать в направлении монастыря Монте Кассино. В

свете неудач, которыми закончились атаки 11 и 12 мая, уланам пришлось ждать дальнейших приказов. В то же время, 5-я Пехотная Дивизия, которая вела бои к северо-востоку от сектора 3-й Дивизии, успешно захватила гряду *Фантом* (пол. - *Widmo*).

30 апреля - 23 Мая

17 мая 1944 года

17 мая последовала новая атака на *Высоту 593*. Наши командиры знали, что немцы, вероятнее всего, тоже измотаны боями и, если их чуть-чуть подтолкнуть, они придут к выводу, что с них довольно. И наши командиры оказались правы. Кроме того, после множества попыток и героических усилий, после тяжелых потерь среди саперов в ходе разминирования, некоторое количество танков появилось на поле боя. Бой за *Высоту 593* продолжался весь день 17 мая. Ночь с 17-го на 18-е была относительно спокойной. Немцы, используя громкоговорители, засыпали нас пропагандистскими речами, перемешанными с оскорблением, ну а мы отвечали им огнем из минометов.

18 мая 1944 года

Успехи 5-й Дивизии в районе гряды *Фантом* вдохновили командующего нашей дивизией на отправку нашим полком рекогносцировочного патруля, которому предстояло прояснить для нас ситуацию, которая сложилась в окрестностях монастыря. Патруль успешно пересек минное поле и достиг внешней стены монастыря. Разведчики обнаружили, что немцы ночью покинули монастырь, оставив 16 раненых с двумя санитарами и офицером-кадетом. Немцы были перепуганы, так как их командование распространяло среди них сведения о том, что поляки убивают военнопленных. Наши солдаты предоставили раненым всю возможную помощь, а те, кто еще мог ходить, были отправлены в наш тыл...

Интересен тот факт, что в 1970-х кто-то в одной из передач по германскому радио рассказал о том, что поляки убивали военнопленных. Это заявление оспорил бывший немецкий парашютист из числа тех, кто был найден нашими разведчиками в монастыре. Он заявил, что все это – ложь, что он был одним из тех раненых и что он получил медицинскую помощь, да и обращались с ним очень хорошо. Ассоциация ветеранов 3-й Карпатской Дивизии вмешалась и организовала встречу между бывшим парашютистом и командиром рекогносцировочного патруля лейтенантом Губриэлем (здесь - *Gubriel*, скорее всего, речь идет о лейтенанте Казимеже Гурбелे - *BK*). Должно быть, приятная была встреча... Вероятно, она имела много общего с встречей, в которой я принял участие 18 мая 1994 г. в Монте Кассино с бывшими немецкими парашютистами. Я оказался там по случаю 50-летней годовщины взятия монастыря: на польском кладбище прошла большая церемония. Я приехал туда с группой из Вашингтона, и 18-го мая мы находились в Монте Кассино. Я встретил некоторых старых друзей, и мы отправились в поход по окружающим нас холмам, чтобы взглянуть на знакомые места. Неожиданно из одного из зданий вышли трое немецких ветеранов, которые приехали, чтобы посетить немецкое кладбище в соседней деревне. Они сказали нам, что воевали в составе 1-й Воздушно-десантной Дивизии, которая сражалась против нас. Они были настроены дружелюбно, завязался разговор. Смешная была беседа: мы рассказывали им, как пытались убить их, а они нам, как они старались изо всех сил убить у нас. Но вскоре был найден общий язык. Впервые в жизни я столкнулся столь близко с выжившими немецкими солдатами. Они показали нам свои награды, мы им свои. Они рассказали нам еще об одной встрече с ветеранами из Новой Зеландии, с которыми встретились за день до этого. Показали нам холм, где

вступили в бой с пятью новозеландскими танками. Все танки были уничтожены, почти все члены экипажей убиты, но один выжил и сумел уйти к своим. Он тоже приехал в Монте Кассино, где и пересекся с немцами. Тоже, должно быть, шумная встреча была...

В 9.50 флаг нашего полка был поднят на самой высокой точке развалин монастыря, подавая всем сигнал о том, что наши части взяли его. Этот флаг в настоящее время хранится в Институте Сикорского в Лондоне. 10-я бригада британцев из 13-го Корпуса тоже участвовала во взятии Монте Кассино. Хотя к этому моменту немцы уже начали выбираться из подвалов и укрытий, чтобы сдаться в плен, весь день местами еще продолжались стычки. Миньи и не получившие приказ о сдаче, фанатично настроенные десантники продолжали убивать наших солдат...

Итак, сражение за Монте Кассино подошло к концу. Мы оставили наши позиции 24 мая. Никогда не забуду, как мы проходили мимо временного кладбища, покидая город. Длинные ряды тел, завернутых в одеяла, ждали захоронения. Это сильно остудило нашу радость. Мы все поняли, что были очень близко к тому, чтобы оказаться среди тех, кому повезло меньше, тех, кто еще недавно были молодыми парнями, полными жизни и надежд на будущее, тех, у кого где-то были дорогие им люди, молившиеся за их возвращение, которого уже никогда не случится. Наш полк понес меньшие потери, чем пехотные батальоны: был убит один офицер, 17 сержантов и уланов. 7 офицеров 68 сержантов и уланов были ранены. Всего было потеряно 93 человека – четвертая часть тех, кто принял участие в боях.

Немцы в бою

Против нас сражалась элитная дивизия немецких парашютистов. Ею командовал 48-летний генерал Рихард Хайндрих (Richard Heindrich). Непосредственно против нас сражался 3-й Полк 1-й Дивизии. Далее к северу сражался 100-й Горный Полк противника. Линия обороны немцев состояла из огневых точек, и занимавшие эти точки немцы могли поддержать друг друга огнем из пулеметов, минометов и других видов оружия. Их ДОТы были превосходно замаскированы, и атакующие могли разглядеть их только тогда, когда по ним открывал огонь противник. Парашютисты были отлично обучены ведению боя в составе небольшой группы или в одиночку, это были крепкие, безжалостные бойцы, которых набирали среди молодых фанатичных нацистов или наивных молодых парней, которые верили в свою принадлежность к расе господ и в то, что вскоре под их властью окажется весь мир. Были случаи, которые свидетельствуют о таком фанатизме. Например, один тяжелораненый солдат отказался от переливания крови: он предпочел умереть, но не заполучить кровь врага в своих венах...

Немцы использовали всевозможные ловушки, чтобы нанести нам еще более тяжелые потери. Например, в одном случае, когда огневая точка была только что взята нашим подразделением, появился человек в британской военной форме и уселся на расстоянии от наших солдат. Когда наши парни начали подзывать его по-польски и по-английски, он исчез. Как только он пропал из виду, на наших солдат посыпался град из мин. Очевидно, что это был немец, которого подослали поближе, чтобы уточнить расположение наших частей. Кроме того, покинув монастырь, немцы оставили множество мин замедленного действия. Одна из таких мин взорвалась через пять дней после того, как монастырь был взят.

Среди пленных, захваченных в монастыре, было четверо офицеров, включая командира батальона. Наш командир спросил капитана Байера (Beyer), немецкого офицера, о том, где находится проход через минные поля. Ответ был таков: «Даже если бы я знал, я бы не сказал вам. Минные поля были установлены для вас, вот вам и предстоит найти их.» После такого ответа немцам приказали идти через минное поле. Они пошли, не сказав ни слова. Взорвавшиеся мины убили четверых из них, но мы так и не узнали, где находится безопасный проход...

<http://econfaculty.gmu.edu/bcaplan/museum/lipinsky.htm>

НОВОЗЕЛАНДЦЫ

Майкл Карвер (Michael Carver), командир артдивизиона

Немцы на любом месте были профессионалами более высокого класса, чем британцы. В знании своего оружия и умении применять его на практике они превосходили британцев почти во всех случаях... Они были крепкими, знающими свое дело, полными решимости и весьма дисциплинированными солдатами. Некоторые британцы, в ряде случаев, вышли на уровень их стандартов, но для основной массы солдат 8-й Армии этот уровень так и остался недостижимым.

Роджер Смит, ветеран боев в Северной Африке, о фронтальных атаках

Мы шли вперед, навстречу ветру, ссугнувшись, втягивая животы, старясь подавить в себе страх, который скручивал кишки в комок. Страх, боязнь страха, стыд из-за боязни струсить... Может ли вообще кто-нибудь смотреть в лицо неотвратимой опасности, несущей смерть илиувечье, со смирением? Ждать, что тебе вывернет кишку разрывом снаряда, что тебя разрежет пополам очередью из Шпандау (*Spandau – так новозеландцы называли немецкие пулеметы – ВК*), что в твой пах воткнется штык или между ног разорвется граната или просто лишишься зрения. Чувство такое, что за тобой охотятся и ты сам охотишься и стреляешь в ответ, а потом обнаруживаешь, что вообще потерял голову и, согнувшись, стреляешь из автомата, обуреваемый жаждой убивать. И где тут слава посреди этого ужаса?

Капитан Уикиривиhi (Matarehua Wikiriwhi), командир 12-го Взвода, 28-й (Маори) Батальон, рассказывает о попытке захватить железнодорожную станцию. Ночь 17 февраля

Когда мы приблизились [к противнику], мой 12-й Взвод моментально дрогнул, встреченный исключительно интенсивным пулеметным огнем Джерри с двух точек. Я немедленно приказал атаковать – двое парней прыгнули на скрученную спиралью проволоку (*спираль Бруно – Concertina/Гармошка в оригинальном тексте – ВК*), и, далее, как на учениях, другие перескакнули через препятствие по их спинам и (света от фальшфейеров и дульных вспышек было достаточно) зачистили передовые посты. Другие начали резать обычное проволочное заграждение ножницами, и уже вскоре взводы вышли к первой намеченной цели атаки.

Из журнала боевых действий:

Рота пробилась через внутренне пространство станции примерно так же, и к полуночи обе роты уже окапывались, потеряв треть убитыми и ранеными. Капитан Уикириехи был ранен в ногу, перевязывал раны старшины (sergeant-major) Рона Конаки (Ron Konaki). Он передал команду на время лейтенанту Такуруа (Takuria) и ушел в тыл, чтобы его рану обработали на полковом перевязочном пункте. Через полчаса он вернулся и обнаружил, что лейтенант Эшер (Asher) из 10-го взвода был убит, а лейтенант Крэпп (Crapp) из 11-го Взвода ранен. Саперы к тому времени взрывами расчищали путь, полевая артиллерия обстреливала западные подходы, пушки среднего калибра били по Кассино. Бригадные минометы получили приказ вести огонь до того момента, пока всего у них не останется только тридцать снарядов. По словам командира Роты А, «отделения и группы людей вступали в стычки повсеместно – было какое-то количество пленных, какое-то число немцев было убито...»

Лейтенант Мартин (Martin), офицер-сапер

Противник, который не знал, что происходит, начал поливать все пространство из пулеметов и хорошо сфокусированным огнем минометов. В двух случаях саперы, занятые зачисткой от мин, были вынуждены остановиться. Однако, пришел приказ продолжать начатое, потому что становилось светло и средства огневой поддержки для Маори было необходимо доставить на место.

Из дневника Джона Шинника (John Shinnick):

Наступила темнота, и вместе с ней начался жестокий артобстрел. Один парень из взвода потерял контроль над собой и быстро превратился в плаксу. Сначала его пришлось удерживать от самоубийства, потом он начал читать молитвенник. Он стал настолько беспомощным, что наделал в штаны. Психологическая травма может быть хуже, чем просто рана, которая может зажить. Но в армии этим особенно не интересуются...

Капитан Уикириехи

Когда атаковали танки [противника], я был с остатками штаба моей роты прямо на станции, то есть, на первом намеченном рубеже. [Наши] вырвавшиеся вперед отделения, должно быть, к тому времени уже были смяты. Танки были не более чем в 25 метрах от нас, и тогда я отдал приказ отходить...

Капитан Джордж Сазерленд (George Sutherland), 28-й (Маори) Батальон

Первые лучи осветили кошмарную сцену. Железнодорожные вагоны, продырявленные паровозные котлы, скрученные рельсы, телеграфные провода, разрушенные здания. Всюду трупы. Раненых уносят в тыл... над всем этим – дым, всюду запах пороха и крови, от которого тошнит... Ngapuhi (Ngapuhi) и Arawa (Arawa) лежат рядом, они мертвые. Грохочут автоматы, рвутся гранаты, от воплей просто свертывается кровь...

Джон Уотсон (John Watson), пулеметчик, 27-й Батальон о гибели товарищей

Тебе тоже приходится их хоронить. Друг хоронит друга... Страшно, особенно тогда, когда их тела искажены... то, что ты видишь красивым не назовешь. Ты становишься тверже, но не тогда, когда это твои друзья. Для посторонних это просто еще один труп...

Гордон Слэттер (Gordon Slatter), рядовой

Война никогда не была для меня таким кошмаром, пока мне не пришлось оказаться рядом с переносчиком носилок с полковой медпункт (*RAP - Regimental Aid Post*) в штабной Роте А, говоря тяжелораненому хорошему другу, что с ним все будет в порядке, когда я знал, что это не так. Это была жестокая правда войны: никакого блеска, никакого героизма – просто молодой парень, которого в расцвете сил скосило на берегу ручья, про который никто и никогда ничего не слышал, сразило во время атаки, о которой никто и не вспомнит...

https://mro.massey.ac.nz/bitstream/handle/10179/9869/02_whole.pdf

Холлис (C. W. Hollis), 21-й Батальон

Наши четыре дня и ночи были абсолютным адом: на нас сыпались минометные снаряды и ракеты *небельверферов* и непрерывный дождь дымовых снарядов превращал все в одну непрерывную ночь. Наши нервы были на пределе, руки тряслись так, что невозможно было удержать сигарету. Горячей еды не было, никакого мытья и бритья. У меня в дневнике появилась такая запись: «Вся наша душевые силы ушли на то, чтобы переместиться на 25 ярдов с нашей позиции к штабу роты...

<https://www.armymuseum.co.nz/hell-at-cassino/>

Джим Райт (Jim Wright), водитель грузовика, доставлявшего на передовую боеприпасы

После того, как янки отбомбились по монастырю, у Джерри появилось множество воронок-стрелковых ячеек. Их снайперы были смертельно опасны. Бог ты мой, они наводили страх...

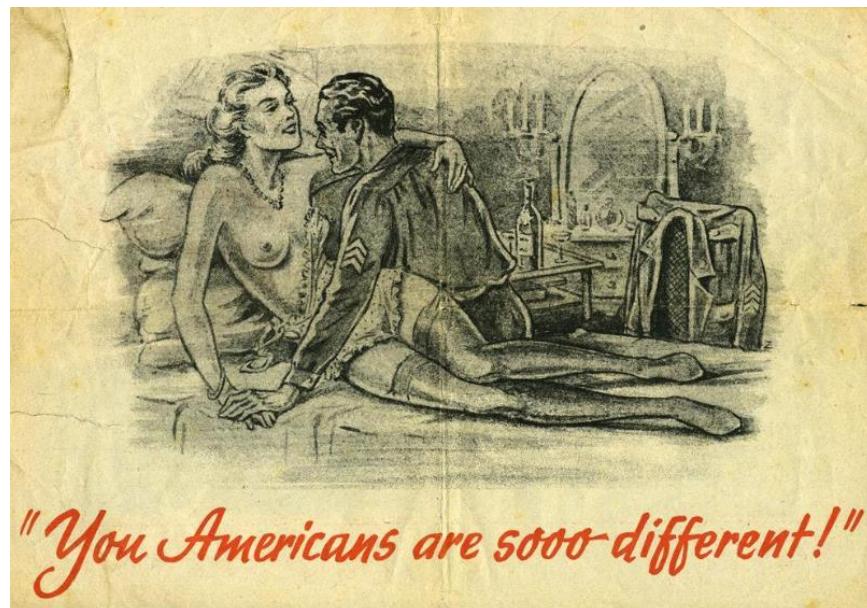
Мы водили машину ночью: туда вел я, обратно – мой товарищ. Дорогу через руины проложили саперы. Полная темнота. Если было полнолуние, мы не трогались с места: Джерри бы нас увидел. На передовой мы разгружали боеприпасы без всякой болтовни. Приехали и уехали. Времени на разговоры или чашку чая не было.

Как-то ночью я вел машину и увидел это. Все вокруг было разбомблено и в руинах. Но эта [статуя] Мадонны уцелела. Когда я проезжал мимо, у меня появилась уверенность в том, что ее глаза следят за мной, знаете... Не знаю, может мне померещилось, или это было что-то такое, от чего я не мог избавиться. Это заставило меня осознать всю суровость ситуации. Я даже с товарищем не говорил об этом, потому что он мог подумать, что я схожу с ума. Каждую ночь я не отрывал глаз от нее, представляя себе, как она смотрит на меня, и пытаясь понять, что это: дурной знак и благословение. Но я это видел. Я не католик, но, думаю, это было чудо...

Один парень, которого я знал, получил из дома плохие известия. Его подруга загуляла с янки. Он вытащил пистолет, уткнул ствол себе под подбородок и застрелился. Мы завернули его тело в армейское одеяло – на нем посередине была красная полоска. Потом мы дождались капеллана. Он, пришел, мы оттащили его тело к яме и сбросили его туда.

Помню звук, которым он ударился о землю. После войны, каждый раз, когда я сбрасываю мертвую овцу в могильник, звук этого напоминает мне о той ночи. Тогда не было ни цветов, ни отпевания. Несколько слов сказал капеллан, и все...

Мы все внесли свой небольшой вклад. Мы не знали, что происходит, нам ничего не говорили. Мы только хотели сделать свое дело и вернуться домой...

Немецкая листовка на излюбленную тему нацистских пропагандистов: домашний фронт, англичанка в объятиях американского солдата: «Вы, американцы, ну совс-е-е-м другое дело!» Это едва ли не точная копия листовок, которые разбрасывали на Тихоокеанском ТВД японцы для австралийцев и новозеландцев...

<https://www.noted.co.nz/archive/listener-nz-2004/back-to-cassino/>

ИНДИЙЦЫ

Индийский солдат, ветеран Североафриканской кампании, из интервью, взятого в 1990-м:

Не могу забыть руины Кассино. Там ничего не осталось. Только глыбы и щебень. Между ними зажаты трупы, вонь стоит... Проходишь мимо и зажимаешь нос. Я видел оторванные чуть ли не от живота ноги. Никогда в жизни я не видел столько трупов в одном сражении. Я насчитал более 800 и остановился. Они лежали на камнях, укрытые одеялами. Не было очень жаль их. Не знаю, где они родились, как они оказались тут, были это солдаты противника или наши... Все смешалось. Столько новозеландцев, британцев, немцев, индийцев... До Кассино я не понимал, что такое война, но, увидев убитых под Кассино, я стал думать по-другому. Я спросил себя: «Ради чего человек воюет и убивает?» После

войны это чувство посещало меня очень часто. Даже сейчас, когда я говорю с вами, эта сцена стоит передо мной...

<https://maddy06.blogspot.com/2007/08/tale-of-mont-cassino.html>

Гуркхи эвакуируют раненого товарища

Нина Кантан (Nina Kantan), служил в транспортных и вспомогательных частях

Я перетаскивал грузы туда, куда не могли добраться машины. Мы все тащили на своих плечах вверх по склонам. Уклон был 1:3, и приходилось ползти чуть не на четвереньках. С холма я смотрел, как подлетают бомбардировщики и сбрасывают свой груз. Я все еще не могу забыть руины Кассино – там не осталось ничего, кроме щебня и обломков. Под ними были погребены тела убитых – они смердели, и приходилось закрывать нос, проходя мимо. Я видел ноги, оторванные от торса, и никогда более мне на глаза не попадалось такое количество убитых в одном сражении. Я насчитал 800 трупов и на этом остановился... Мне было жаль их: я не знал, где они родились, откуда они пришли туда, были это враги или наши солдаты – там они лежали вперемешку. Столько новозеландцев, британцев, немцев, индийцев... Видя все это, я думал о том, что новой войны не должно случиться. Я возненавидел войну.

АМЕРИКАНЦЫ

Ховард Л. Бонд (Howard L. Bond), американская 36-я Пехотная Дивизия

Поздним утром молоденький 2-й лейтенант по фамилии Ф. вошел в наш офис. Он был мокрым, в грязи, выглядел измотанным и даже больным. Он сел поближе к печке. Полковник приказал ему сидеть здесь, пока за ним не придет джип, чтобы увезти его в тыл. Я и сержант вышли на минуту из офиса, и я услышал от него, что парень находится под арестом. Он вернулся с противоположного берега реки, оставив своих людей. Он оправдывал свой поступок тем, что пришел за помощью. Позднее я узнал, что Ф. не был против того, чтобы рассказать о том, через что он прошел, на самом деле, согревшись, он, казалось, был полон желания все объяснить. Он сказал, что там был просто кошмар. Их прижали к земле пулеметным огнем, продвижение вперед было невозможным. На их позиции падали крупнокалиберные снаряды. Он думал, что, по меньшей мере, половину людей его роты убили или ранили. Он был хорошим пловцом, и он должен был уйти, чтобы попросить о помощи. Он мог бы послать назад одного из своих людей, но понял, что для всех остальных обратный путь будет слишком опасным. Встретившись со своим командиром батальона, он был обвинен в том, бросил своих солдат и отправлен в штаб дивизии, находясь под арестом, чтобы дожидаться решения армейской юстиции. В тот момент он был слишком измотан, чтобы беспокоиться о чем то, все еще переживая страх...

«Я ведь хороший пловец. Это я должен был уйти,» - снова и снова протестовал он. Это был крупный парень, с довольно приятной внешностью, что можно было разглядеть даже под грязью и трехдневной щетиной на его лице. Он был выпускником колледжа и получил звание после прохождения в нем учебной подготовки (*Reserve Officers' Training Corps - ROTC*). Дома его семья была в числе уважаемых. Однако он бросил своих людей на том берегу... Я не сказал ему ничего, поскольку мне и нечего было сказать, но его опять прорвало, будто он все еще говорил со своим комбатом: «Вы не знаете, что там было. Всюду немцы, мины падают перед нами и за нами, вопли раненых.» Единственная возможность получить помочь – это вернуться назад, подумал он. он должен был взять на себя этот риск, переплыть реку в ледяной воде, взобраться на берег и найти помочь. А для чего еще нужен офицер? Его люди оказались в тяжелой, крайне тяжелой ситуации, и он мог попытаться спасти их. Почему этого не понимает его комбат? Он выполнял свой долг. Но все, что видел его комбат, заключалось в том, что он дезертировал, оставил своих людей на том берегу, хотя должен был быть с ними...

Парень пытался убежать от правды, это я знаю, поскольку несколько лет спустя я встретил его в Штатах. Я случайно столкнулся с ним в лобби отеля. Он очень хотел выпить со мной, чтобы еще раз объяснить самому себе и мне, почему он тогда вернулся. «Моим ребятам было тяжко. Им была нужна помощь...» Армейская юстиция была великодушна к нему, и он получил назначение в какую-то часть подальше от передовой и боев. А тогда, в штабе дивизии, я думал о том, что, и я мог бы вот так вернуться назад, через реку, и начал понимать, что на войне погибают сильные и храбрые, а слабаки живут себе дальше...

Элберт деФэзио/Albert DeFazio, рядовой армии США. Участвовал в операции Torch и воевал в Северной Африке, прошел через бои на плацдарме Анцио. В Италии повстречал ближайших родственников своей семьи. Награжден Пурпурным Сердцем и Бронзовой Звездой.

Так или иначе, мы готовимся. Мы должны переправиться через реку Рапидо и атаковать Монте Кассино. ОК, я особенно не беспокоюсь. Собрались, офицер говорит: «Сейчас мы поставим дымовую завесу, все будет в дыму. Когда будет спускаться, держитесь за рюкзак парня, который идет перед вами, потому что ничего не будет видно.»

Мы сбились в кучу и пошли вниз под гору, вошли в дым и каждый схватился за рюкзак идущего впереди. И тут разvezся ад. Прилетели артиллерийские снаряды, и их взрывы разогнали дым и осветили небо. Тут я увидел, как разрываются на части человеческие тела, как они валятся друг на друга – по три-четыре в куче. Я не мог поверить своим глазам. Все в течение секунд. Я упал на землю: я не хотел видеть ничего из этого.

Никто ничего не видел, никто не отдавал приказы. Я сказал себе: «Я должен что-то сделать» и пошел дальше. Спустился к реке, увидел понтонный мост. Река была неширокая, но бурная, потому что в горах

таял снег. Я взглянул на воду и увидел, как ребята пытаются перебраться через реку. Мост расползлся, парни падали в воду со всей выкладкой и тонули...

Я перешел на другую сторону. Голову поднять было невозможно: такой густой был огонь из стрелкового оружия... В итоге, я услышал приказ: «Вернуться назад на исходные позиции.» Я посмотрел – мост был еще на месте. Переbralся на нашу сторону и пошел вверх по склону сквозь дым. Поднялся наверх и страшно замерз. Просто зажал голову между колен, потому что не мог поверить в то, что видел.

<https://www.heinzhistorycenter.org/wp-content/uploads/2015/08/DeFazio-Albert.pdf>

Билли Эрл Кёрби (Billy Earl Kirby), Рота K, 143-й Пехотный Полк, 36-я Дивизия

Там мы подверглись избиению. Это было единственное сражение ВМВ, в ходе которого, насколько я знаю, было перемирие. Немцы попросили нас прийти и собрать своих убитых. Наша дивизия была почти разгромлена. Из нашей роты из 200 человек выжило 27. Вся наша Национальная Гвардия из Техаса была перебита. Из моего пулеметного отделения – из тех, с которыми я пошел в бой, не осталось никого – я потерял их всех.

<https://www.militarytimes.com/veterans/2022/07/17/101-year-old-veteran-recalls-world-war-ii-battle-in-italy/>

Рой Коллинз (Roy Collins), 756-й Танковый Батальон, сержант взвода самоходных 105-мм гаубиц

Артиллерия огневой поддержки мало перемещается. Мы заняли позиции у Черваро/Cervaro. Вели огонь с расстояния в 9 000 ярдов по разным целям... Вообще, нам на той позиции везло. По нам вели интенсивный контрабатарейный огонь, но снаряды пролетали выше, падая ярдах в ста за нами. Они [немцы] пытались добраться до нас снарядами, рвущимися в воздухе, но здесь нам просто везло... Нашим взводным был лейтенант Рэлф Л. Хэнсон (Ralph L. Hanson) – позднее он погиб. Парень только-только закончил учебу в колледже и работал учителем первый год, когда его призвали. Спокойный, с приятной внешностью, высокий парень, который заботился о нас. Он нравился всему взводу...

Затем мы продвинулись вперед на новую позицию, находившуюся всего в 3 500 ярдах от Кассино, прямо под гребнем гряды, так что город остался вне поля зрения. Фрицы

(Krauts***** с горы, возвышавшейся за городом, определенно нас видели, но почему-то не стали по нам стрелять. С этой позиции мы стреляли не особенно много... Новым командиром взвода стал лейтенант Фрэнк Пиотровски (Frank E. Piotrowski). На одной из горок он нашел место для хорошего наблюдательного пункта.

После того, как мы переправились через реку Рапидо, нас поставили на огневую позицию на горе Монте Кайро/Monte Cairo, прямо за рекой. Мы установили орудия в яблоневом саду на южной окраине города. Наш пункт корректировки огня находился в голубом домике прямо через дорогу. Вот тут-то мы стали попадать под обстрел почти каждый день.

Переправляясь через реку в полной темноте, мы, само собой, не могли использовать свет. Каждый командир танка должен был идти перед своей машиной, держа в руках *cat's eye* (*тусклый осветительный прибор – ВК*). Водитель вел машину за ним. Если свет пропадал, водитель останавливался, поскольку это означало, что командир то ли упал, то ли еще что-то случилось. Нас попросили взять на буксир противотанковую пушку из какой-то другой части. Сами мы не видели перед собой ничего. Тащим эту пушку по грязи, в которой тонут и колеса, и ствол, когда мы сваливаемся в воронки и канавы. Похоже, по дороге мы попали под пулеметный огонь. Я понял это, когда увидел в утреннем свете, что рукав моей куртки изодран в клочья.

Каждый день лейтенант Хэнсон выдвигался вперед, чтобы наблюдать за тем, как мы ведем огонь, и чтобы корректировать его. Как-то раз ему в спину угодил осколок, но он остался жив. Должно быть, после этого к нам и пришел лейтенант Пиотровски. Моим боевым постом был пункт корректировки огня, где я получал по радио [соответствующие] приказы и указания по корректировке. Несколько дней с нами был артиллерийский капитан, который руководил стрельбой по закрытым целям. Мы у него многому научились.

Конвой навьюченных мулов с грузами для пехоты поднимались в гору каждую ночь часов в 10-11. В этот момент [вражеский] артиллерийский огонь становился особенно интенсивным. Взводный сержант Чарлз Хэррис (Charles W. Harris) в один из дней был на наблюдательном пункте вместе с лейтенантом Хэнсоном. Они передали мне данные по корректировке огня, и мы уже были готовы начать обстрел. Я сообщил по радио о готовности. Затем я услышал по радио громкий шум, и потом на время наступила тишина. После этого до меня донесся голос Хэрриса – он сказал, что немцы снесли половину наблюдательного пункта... Знаете, у человека наступает предел. Пришлось снести Хэрриса вниз по склону той горки, и на этом он кончился. Его привели на командный пункт, где он уселся в угол и сидел там, пока его не увезли в тыл. Человек не может сыграть потерявшего рассудок... У такого глаза становятся стеклянными, изо рта начинают течь слюни, и он мочится в штаны. Я несколько раз видел это. Хотите верьте, хотите нет, но один 18-летний пацан поседел за шесть недель, которые мы провели под Кассино...

Одной ночью мы вели такую интенсивную стрельбу, что снесло нарезку стволов, и их пришлось менять... Если вернуться к тому капитану, который провел с нами немного времени, то скажу, что он был хорошим офицером и у него не было проблем с тем, чтобы донести свою точку зрения до вышестоящего начальства. Мы видели Кассино с нашей позиции, и на неплохом расстоянии. Но [полковник] Свитинг (Sweeting) решил, что мы должны продвинуться поближе и стать за какими-то итальянскими казармами, которые, предположительно, там были, но, на самом деле, от них уже ничего не осталось, только здоровенные воронки от снарядов. Не знаю, где в ту ночь был наш лейтенант, но капитан был на месте и получил сообщение. У него уже была бородка, отросшая за немалое число

дней. Помню хорошо, что он побледнел от злости. Он помчался на батальонный командный пункт и добился того, чтобы приказ отменили. А так нас бы просто не было в живых. Немцы забрасывали это место такими снарядами, что от них оставались воронки размером с хороший дом. Само собой, мы были счастливы от того, что тот приказ отменили.

Наступил день, когда немцы решили расправиться с нами. 12 часов мы были под обстрелом. 8 часов снарядами больших калибров и еще 4 часа снарядами поменьше. Но все обошлось: снаряды падали поблизости, но прямо нам ничего не досталось. Снаряды падали перед нами и в нескольких ярдах правее от пункта корректировки огня. Для психики орудийных расчетов это было разрушительно. Пехотинец был убит в другом доме, стоявшем перед нашим командным пунктом. Я пошел посмотреть, что это за парень. Он лежал в углу дома, прямо над ним в крыше была дыра. Егосыпало осколками снаряда, разорвавшегося в воздухе...

Когда я вернулся на командный пункт, прилетел пикировщик и отбомбился по нам. Бомба упала неподалеку, и меня взрывной волной швырнуло прямо в дверь дома. Он не стал обстреливать нас, не знаю почему – обычно они поливали нас огнем во время пикирования. Если бы он это сделал, я бы не разговаривал сейчас с вами. Может, боеприпасы у него закончились.

Вообще, экипажи самоходных орудий были особенными группами парней. Иногда им становилось дурно, они вылезали из машин и блевали из-за того, что их душили пороховые газы. Вылезали, их выворачивало наизнанку, потом они забирались в башни и продолжали вести огонь. Мы старались избежать перегрева стволов следующим образом: я вызывал экипаж, и, когда парни выбирались на воздух, я заливал ствол холодной водой. Ствол остывал, я вызывал другой экипаж. То есть, во время интенсивного барраж, в каждый момент времени огонь вели пять орудий. Если экипаж чувствовал, что орудие работает со сбоями, они могли сами принять решение прекратить огонь. Обычно экипаж решал проблему, добавляя масло в цилиндр откатного механизма. Так нас учили во время боевой подготовки...

Танкист Вогел (Voegel)

Непонятно по какой причине я получил приказ войти на моем танке в город, в одиночку, чтобы оглядеться. Вошли в город и остановились рядом с танком сержанта Григсби (Grigsby) из 3-го Взвода, который оказался там раньше нас. Пехоты рядом не было. Наводчик танка Григсби прокричал нам, что сержанта убил снайпер. Примерно в этот момент в нашу башню влетел снаряд, попав в боеукладку пулемета калибра 0.30. Мой заряжающий был ранен, мы все выскоциили из танка. Залегли среди обломков, рядом со мной оказался наводчик Монтихо (Montijo). Если где-то рядом и были пехотинцы, я об этом не знал, но в соседнем здании оказался санитар, и у него мы получили морфин, чтобы вколоть его тяжелораненому заряжающему. Позднее, уже ночью, мы отползли к нашей передовой. Нашли санитаров, чтобы сделать перевязки, которые понадобились всем нам.

Лейтенант Харли (Harley)

Командный пункт моего взвода был расположен на кладбище. Это был наш ночной командный пункт, он был рядом со стеной кладбища. Днем мы въезжали в город, чтобы обстреливать указанные нам цели. 12 февраля я завел свой взвод слишком глубоко в

Кассино, и мой танк был подбит выстрелом из немецкой базуки. Танк загорелся. Мы все выскочили из него, я отвел экипаж в безопасное место – в придорожную канаву.

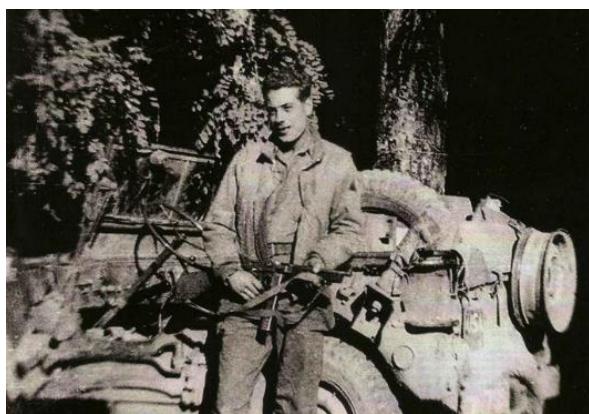

Увязший в грязи Шерман в долине реки Рапидо

Я взял себе другой танк и снова вошел в Кассино, поскольку в городе была наша пехота, которая вела бой и нуждалась в нашей поддержке. Бой был жарким, и мы оказались впереди нашей пехоты. Знаете, иногда ты теряешься и начинаешь искать цели с такой страстью, что вырываешься далеко вперед и не понимаешь, что произошло. Обошлось без повреждений для нашей машины и без потерь в экипаже. А так, знаете, я просто потерял рассудок, меня просто поглотило желание сделать свое дело и не дать этим *Krauts* остановить наших!

За этот бой 27 апреля 1944 года лейтенант Харли был награжден Серебряной Звездой.

Джин Паламбо (Gene Palumbo)

Мы входили в город по очереди, каждый день, по системе ротации, часто просто с остатками взвода (просто в составе пары танков) и стреляли по всем целям, на которые указывали пехотинцы. Как-то раз я увидел немца, который выскочил из ямы с гранатой на своей винтовке, предназначеннной для нас. Я заорал, и Кинг (King) повернул башню влево, но немца он точно не видел. Хоть я и был заряжающим, а не наводчиком, я дотянулся до спускового крючка курсового пулемета и потянул его. Прицеливались мы так... в общем. Очередь ударила в землю рядом с тем немцем, и он в панике нажал на свой спусковой крючок. Его граната пролетела высоко над нами, а сам джерри снова нырнул в свой погреб. Кинг навел пушку на вход в него, и мы загнали в эту дыру несколько фугасных снарядов. Дело было сделано...

ударила в землю рядом с тем немцем, и он в панике нажал на свой спусковой крючок. Его граната пролетела высоко над нами, а сам джерри снова нырнул в свой погреб. Кинг навел пушку на вход в него, и мы загнали в эту дыру несколько фугасных снарядов. Дело было сделано...

Часто немцы пытались подбить последний танк в колонне, чтобы заблокировать нам отход. Мы обычно старались столкнуть поврежденную машину с дороги... Узкая дорога под обрывистым бортом долины реки Рапидо сильно снижали нашу маневренность. Проходя через эту узость, да еще мимо подбитого танка, мы попадали под огонь их противотанковых пушек...

Когда бои за Кассино закончились, мои суставы стали настолько малоподвижными от постоянного холода, что я еле мог шевелиться. Меня отправили в госпиталь, потом я вернулся в свой батальон к своим друзьям, которых оставалась только горстка...

Немецкая листовка для американцев, сражавшихся в Италии. Излюбленная тема немецких пропагандистов – возлюбленная солдата развлекается с парнем по имени Билл, один из «Бойцов Домашнего Фронта», который сумел избежать призыва в армию...

Деннис Хэннан (Dennis Hannan)

У многих из нас был такой опыт, от которого волосы дыбом встают. Ночь, темень, я был на посту в спокойном месте. Чувствую, кто-то дотронулся до моей каски и спросил: «American?». Отвечаю: «American!», а у самого сердце застыло. Это были гумьеры из французских североафриканских частей. Они подкрадывались потихоньку, ощупывали каску, и, если это был немецкий шлем, молча перерезали человеку горло...

Roger Fazendin. The 756Th Tank Battalion in the Battle of Cassino, 1944

ФРАНЦУЗЫ

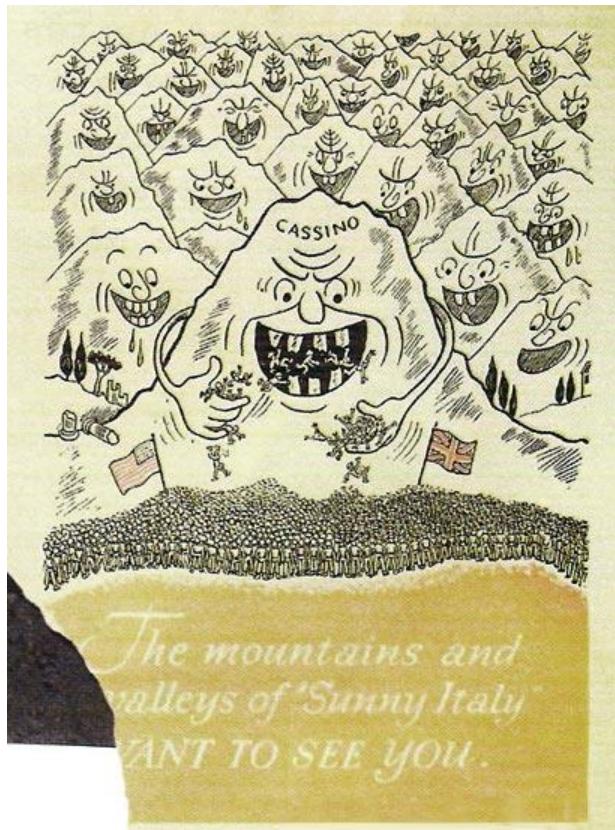
Приведенные фрагменты воспоминаний французов относятся к боям к северу от Кассино – так называемое бои за сектор Бельведер...

26 января

Лейтенант Карре (Carré), запись в дневнике. Ночь с 25 на 26 января:

Мы карабкаемся на Бельведер между отметками 382 и 721. Уклон 1 к 3. Дальше двух метров ничего не видно. Каждые 50 метров передышка. Тяжелый подъем. Мускулы и нервы напряжены. Грохочут пушки и минометы противника... Взрывы метрах в двадцати впереди нас, выше по склону. Соскальзываем вниз, скатываемся метра на два или три. Рискуем сломать себе спины. Колонна Бартоли (Bartoli) потеряла нас. До чего же тягостно! Выкладка... оружие... перешучиваюсь с парнями. Мы наступаем на тела своих убитых. У одного оторвана голова, и внутренности вылезли наружу...

В 11.10 вечера 3-я Рота добралась до вершины (кажется, Высота 382).

*Ироническая немецкая листовка:
Горы и долины солнечной Италии хотят увидеться с тобой.*

27 января

Из дневника капитана Айгаду (Aygadoux):

Два отделения 2-й роты посланы на фланг справа от Жорди (командир роты – Биллар (Billard)).

Атака немцев переключилась на Жорди. Минометный и артиллерийский огонь. На высоте 681 я попал под невероятно интенсивный минометный огонь. Повсюду убитые и раненые. Убрать их невозможно. Голову поднять нельзя. Наша артиллерия молчит... Артобстрел невыносим. Джерри наступает со всех сторон. Увидел немецкий ДОТ метрах в 300 ниже нас и примерно 50 немцев, которые по ручью Рио Секко/Rio Secco повернули на юг, в нашу сторону...

Люди измотаны. С начала боев они ничего не ели и не пили. Боеприпасы кончились. Очень тяжелые потери. В 11-й Роте было 185 человек, осталось 35. Немцы не захотели или не смогли продолжить свою атаку...

Артиллерия ведет огонь по высотам, которые они только что отбили, и обстрел высоты 681 что-то значит... Мы успокоились. 11-я Рота отошла на исходные позиции. Я все еще командую солдатами на выдвинутой позиции. Жорди слишком устал, и майор хочет, чтобы он отдохнул. Правда, ночью не отдохнешь. Противник занял позиции в 200 метрах слева от нас и удерживает высоты, расположенные в 400 метрах от нас. Обстрел, люди измотаны. Человеческая машина имеет пределы [в эксплуатации].

4 февраля

Из дневника Мариуса Лагранжа (Marius Lagrange – на фото слева):

Незадолго перед тем, как покинуть штаб батальона, майор Гандэ (на фото слева) приказал своему контингенту разделиться на несколько небольших групп, чтобы, по мере возможности, не попасть под огонь немецкой артиллерии, которая непрерывно обстреливала местность снарядами всех типов. Гандэ выбрал доктора Равелонанози (Ravelonanosi), лейтенанта Жорди, адъютанта-мажора Дика (Dick) с его денщиком Гасемом бен Мохамедом (Gacem ben Mohamed) и меня. Он приказал мне взять с собой группу из Отделения Радиосвязи. Капрал Бросеро (Brocero) и шестеро радистов присоединились к нам.

Лейтенант Жорди (на фото слева) провел с нами в штабе два дня. Майор заставил его прийти к нему в штаб, потому что считал, что тот устал и может оставить под командой 2-го лейтенанта Гозана тех, кто еще был в строю из состава 11-й Роты и занимал оборонительные позиции на южном склоне Высоты 862.

Майор повел нас вниз по склону, между скальных выступов, помогая нам укрываться от артиллерийских снарядов с горы Чифалько/Cifalco. Спустившись вниз, примерно на уровень подножия высоты 382, мы обнаружили, что стоим лицом к открытому пространству, через которое будет необходимо пройти, так как по обе стороны от нас нависали непроходимые скальные склоны. Майор приказал нам разбиться на две группы, сказав мне: «Лагранж, вы пойдете вслед за нами со своей группой.» Доктор, лейтенант Жорди, Дик и Гасем пошли вместе со мной. В конце открытого пространства на моих глазах разыгралась драма. Я увидел, как несколько снарядов разорвалось прямо посреди группы, в которой был майор. Он был ранен в руку и контужен. Я увидел, как лейтенант Жорди упал на спину – он был убит наповал множеством осколков, угодивших ему в грудь. Его лицо осталось неповрежденным. Стрелок Гасем был ранен в живот и ногу, которую просто оторвало. Однако он нашел в себе силы вытащить свой перевязочный пакет и, понимая, что ему недолго осталось, передал его майору...

Другая группа находилась всего в нескольких метрах слева, и другой снаряд упал рядом с ней, убив адъютанта-мажора Дика и ранив доктора... После этого трагического события я быстро пришел к следующему решению: всех, [способных идти], нужно отвести в полковой штаб. Я убедил майора разрешить мне сопроводить его до дороги, по которой проехало несколько машин. Было нелегко заставить его покинуть это место: он продолжал оборачиваться, чтобы глянуть еще раз туда, где остались его парни: Жорди, Гасем и Дик. В итоге, поддерживая его, мы добрались до дороги.

Перед тем, как покинуть место трагедии, я приказал капралу Бросеро доставить тела Дика и Гасема в полковой штаб, сказав ему, что позабочусь о майоре и теле лейтенанта Жорди. Оказавшись на дороге, я вынужден был заставить майора подождать и объяснил ему, что он не доберется до полкового штаба без попутной машины. После нескольких попыток рядом с нами остановился джип. За рулем был 2-й лейтенант артиллерии, с ним был пассажир. Майор, совсем обессиленный, забрался на заднее сидение, лейтенант-артиллерист уверил меня в том, что быстро отвезет его в штаб 4-го Полка Тунисских Стрелков (*4th R.T.T. - Régiment de Tirailleurs Tunisiens*), находившийся в Сан Элии/San Elia.

Я вернулся туда, где лежал Жорди, взвалил его на спину, [оттащил к дороге] и снова начал голосовать. Наступила ночь, и стало труднее, потому что машины проезжали с опущенными вниз фарами. В конце концов, я вышел на дорогу, стал махать руками и остановил полугусеничный бронетранспортер. Водитель уверил меня, что отвезет тело в штаб полка, что он и сделал...

Я и сам устал, и, вспомнив все случившееся только что и размышляя о том, что я устроил все настолько хорошо, насколько было возможно, решило передохнуть, прежде чем пуститься в путь к штабу. Я пришел туда к полуночи, прямо на перевязочный пункт. спросил, где майор, но он спал.

Я вернулся в расположение полка в овраг Инферно/*Inferno*.

Солдаты-гумьеры получают преобоеевые инструкции

В то время я был всего лишь адъютантом и не мог знать, что чувствуют офицеры Батальона. Однако я постоянно был рядом с майором в те трудные дни и видел, что он требовал от всех, особенно, от тех рот, которые шли впереди, творя чудеса, атакуя, отбивая контратаки и достигая намеченных рубежей. Лейтенант Жорди и его 11-я Рота внесли большой вклад в конечный успех всей операции.

Французские солдаты в горах Италии

Однажды, когда мне нужно было вступить в контакт с другим отделением, я наткнулся на моего друга, адъютант-мажора Тумелера, который командовал пулеметным отделением, и он сказал мне: «Жорди успевает всюду, и днем, и ночью, он всегда там, где ситуация критическая. С ним мы добьемся нашей цели.» Я дружил и Гозаном, который умер в 2006-м и который был тогда 2-м лейтенантом – командиром отделения, а потом стал заместителем Жорди. Мы часто говорим о тех временах. Он сказал мне, что был согласен с майором, когда тот решил перевести Жорди в штаб, учитывая то, как тот вымотался, и что сам он держал ситуацию на южном склоне Высоты 862 под контролем...

<http://www.montecassinobelvedere.fr/en/the-week-of-fighting>

НЕМЦЫ

Харри Хенкель (первый справа) был одним из десантников, вызвавших из плена Муссолини

Немецкий десантник Харри Хенкель (Harry Henkel, 1926-2012), воевавший в Северной Африке, Италии и на Восточном фронте, был одним из защитников Монте Кассино. В ходе этих боев он был ранен и эвакуирован в Германию. После войны он работал переводчиком (его мать была англичанкой) и переехал в Австралию в 1952 году. Он прослужил 30 лет в Австралийском ВМФ, в котором в конце карьеры командовал подводной лодкой. Написал книгу воспоминаний о войне...

Мы таскали камни и использовали их как стройматериал для оборонительных позиций. Нам не приходилось зарываться в землю, так как эти большое глыбы давали превосходную защиту. Не припомню, чтобы с той поры мне приходилось таскать столь тяжелые камни. Это была первая линия обороны. Вторая линия обороны проходила внутри монастыря. Во внутреннем дворе было достаточно места для посадки и взлета самолета. Это был колossalный монастырь, и он идеально защищал садившийся и взлетающий легкий самолет. Наш штаб находился глубоко в подвалах...

Стоит отметить, что изначально гору штурмовали колониальные солдаты (новозеландцы, суданцы (*последних там не было – ВК*), индийцы и европейские войска, такие как чехи (*этих там не было – ВК*) и поляки. Им очень сильно досталось. Каждый немец был пулеметчиком. Еще у нас была возможность скатывать вниз по склонам гранаты. Нам даже бросать их не приходилось. Угол склонов горы в 40 градусов мало в чем помогал атакующим союзникам.

Положение наших пулеметных гнезд менялось каждый день из-за артобстрелов, в результате которых камни разлетались во все стороны. То есть, хотя мы были защищены [выложенным]и стенками и знали, как укрываться, когда начинались артобстрелы, камни летали по воздуху словно спички. Это сослужило нам двойную службу. Первое – образовывались новые позиции для огневых точек, второе – союзники продолжали стрелять по тем позициям, которые засекали раньше. Их же артиллерия спасала нам жизни...

Ствол моего пулемета всегда был наклонен в сторону противника на 40 градусов, и я уже не помню, сколько патронных ящиков я расстрелял в то время. Обязанностью моего второго номера было заполнение пустых патронных коробок, и он постоянно таскал с собой по две коробки за ходку в подвалы и обратно через внутренний двор к моему гнезду. Я никогда не стрелял по одиночной цели, это всегда были длинные очереди по сектору вниз по склону.

Они ни разу не подошли ближе чем на 200 метров к нашей позиции, такой интенсивности был наш огонь. Любое продвижение в нашу сторону от этого рубежа было бы самоубийством. Они это знали, и мы это знали. Они пытались атаковать ночью, но и это закончилось побоищем. У нас были фальшфейеры, от которых становилось светло как днем. У них надежды не было. Мы спали по очереди, и благодаря этому всегда кто-то из нас был начеку. Когда приходило время атаки, мы слышали их свисток, и все наши сразу просыпались...

Рядовой Роберт Фреттлёр (Robert Frettlöhr), 15-я Рота, 4-й Воздушно-десантный Полк, 1-я Дивизия (Fallschirmjägerpionier)

Перед атакой на Замковую Гору

Перед тем, как атаковать Замковую Гору, мы поели, и каждый получил по бутылке шнапса. Мы не стали пить все до конца, но сделали по хорошему глотку. В результате настроение немного поднялось. Знаете, говорят, что настоящий герой или пьян, или дурак.

Ночная атака на Замковую Гору

Ты слышишь только пулеметную стрельбу. Еще, само собой, вопли и крики...

Последние часы

Полная тишина. Ни пушечной стрельбы, ничего, но мы знали – что-то должно случиться. Мы просто чувствовали это. И тут, неожиданно, в 11 часов вечера [11 мая], кто-то словно зажег свет везде и всюду, и мы ясно увидели все горы вокруг нас.

... Меня отправили в замок, и я оставался на подступах к нему, пока не пришел приказ отступать. По дороге к замку, вверх по склону, мы все время были под огнем артиллерии. Мне было всего 20 лет, и невозможно описать, что я тогда чувствовал. Тебе все время говорят, что ты должен сражаться за свою страну. Забудьте это. Ты сражаешься за собственное выживание. Если кого-то убивают, ты говоришь себе: «Это не меня убили.» Если кто-то говорит, что не испытывал страха, то это – вранье, потому что ты испытываешь страх все время.

Мы отдыхали, пережидая два разрыва снарядов: один ... второй ... затем опять трогались в путь, вдвоем еще с одним парнем. Передвигались мы только по двое. Мы всегда ждали двух разрывов и перебегали между вторым и третьим.

Затем недалеко от меня – вспышка, и меня ударило по левой ноге. Я потерял сознание, и, когда очнулся, увидел, что нога распухла, как воздушный шар. Пополз в направлении монастыря, и, в итоге, добрался до перевязочного пункта, который располагался в склепе (? - ВК), где был похоронен Святой Бенедикт. Врач перевязал мою ногу и сказал: «Ну вот, назад ты идти уже не можешь.»

Около 10 утра в монастырь вошли поляки. Польский лейтенант Губриэль (здесь - *Gubriel*, скорее всего, речь идет о лейтенанте Казимеже Гурбеле - ВК) вошел в склеп с несколькими солдатами. Не знаю, чего мы ждали – может быть, гранату. Нас было трое раненых, и еще 14 человек, которые собирались перетащить нас обратно в расположение полка. Так или иначе, один из поляков отлично говорил по-немецки, и я помню, как он спросил: «Есть ли здесь мины?» Я сказал: «Мин нет, здесь перевязочный пункт.»

Мы поговорили по-немецки о том и о сем, и к полудню тех 14 человек отвели на командный пункт поляков, как сказал нам Губриэль. Никакого расстрела там не было в отличие от того, что потом говорили. Позднее появились репортеры. Сами понимаете, как мы выглядели... Как может выглядеть солдат, который был в бою несколько недель подряд: грязный, немытый, небритый, обовшивший?

Через какое-то время нас спустили вниз по склону на польский перевязочный пункт, откуда британский санитарный фургон отвез нас в большой американский палаточный госпиталь, расположенный в 6 или 7 милях от передовой. Там наши раны обработали, но я не помню, что случилось с третьим парнем, тяжелораненым. Еще через несколько дней нас перевели в госпиталь для военнопленных, расположенный близ Неаполя.

Рядовой Рудольф Валентин (Rudolf Valentin), 3-й Воздушнодесантный Полк

Меня бы и так призвали в армию, поэтому я сам решил добровольно пойти в десант. Я не хотел служить в одной части с женатыми дядьками, теми, кто постарше, которые говорили бы: ты стреляй, а я пойду принесу нам поесть. Все десантники были добровольцами, и ты гордился тем, что ты – один из них.

О бомбардировке города 15 марта 1944 года

Мы хорошо видели самолеты. Они эффектно смотрелись в строю, словно цепочки. Одна эскадрилья шла за другой, сверкая на солнце. Мы видели, как открываются бомблюки и как из них высываются бомбы...

Ночная атака на Замковую Гору

У нас было странное чувство. Мы должны были хранить молчание, насколько это было возможно, поскольку на другой стороне оврага были индийцы. Если бы мы издали какой-то шум, это окончилось бы стрельбой в нашу сторону – ничего хорошего от этого ждать не приходилось. Я был пулеметчиком. Со мной был второй номер, который нес боеприпасы. Так он побежал вперед, стреляя на ходу...

Повторная атака, в ходе которой немцы попали под огонь индийцев

У моего товарища осколками гранаты разорвало живот. Мы ничего не могли сделать для него, кроме укола морфия. Мы прикрыли его рану одеждой и туго затянули ремень. Перевязать его возможности уже не было. Он хотел застрелиться, но его пистолет дал осечку – в него тоже попал осколок. Он действительно пытался... Не самая приятная ситуация, но такое на войне случается.

Последняя самоубийственная атака на замок

... Мы попали под убийственный огонь из замка и поняли, что просто не доберемся до него с такой горсткой людей.

Перемирие у Замковой Горы

К этому нужно было привыкнуть: ни стрельбы, ни разрывов гранат. Это было удивительно: такого не было с нами уже много дней... Иногда у тех, кто тащил носилки, уже не было сил. Им приходилось тащить раненых вверх по склону. Пара англичан остановилась рядом со мной, и мы обменялись сигаретами. Я думаю, та война, на юге, против англичан и американцев была войной без ненависти. Они были нашими врагами, и каждый должен был выполнять свой долг, находясь по разные стороны фронта. Думаю, все страдали одинаково...

По причине такой странной ситуации в этом секторе сражения у нас появилось такое чувство, что эти ребята – как будто наши товарищи, потому что им пришлось пройти через все то, через что прошли мы.

После перемирия

Ситуация сложилась очень тяжелая: мы были очень голодны и мучились от жажды. Поскольку снабжение было далеко от достаточного уровня, мы стали выискивать, куда падают сбрасываемые на парашютах контейнеры с провиантом для нашего противника, и, скажу я вам, немалая часть этих грузов досталась нам...

Спать было просто невозможно. Спали урывками по несколько минут и всегда с указательным пальцем на спусковом крючке. Совсем небольшой шум – и ты опять просыпаешься: напряжение нас не покидало.

Последнее слово

Сражение у Кассино изменило всех нас. Мы прошли через то, что человек не в состоянии вынести. Бог был милостив ко мне... Но остается то, от чего ты не можешь избавиться, как если бы ты сбросил одежду или поменял рубашку. А так... Нас лишили самого лучшего в жизни – нашей юности. Вот, что мы потеряли.

Лейтенант Йозеф Кляйн (Josef Klein), 3-й Воздушнодесантный Полк

Когда я стал десантником, я увидел, что это за парни: они не отступали, они были непоколебимы. Где им приказывали стоять, они стояли насмерть. Невероятно, но всегда и во всем – хладнокровны. Британцы не учитывали то, что мы прошли через Восточный фронт, а русские нас в плен не брали...

Когда противник атакует, просто стреляй по нему из своего пулемета. Потом штурмуй его позиции или преследуй его, когда он дрогнул...

Пленные британцы всегда были изумлены тем, что мы [внешне] не отличались от них. Это было самым смешным во всей той ситуации. Они говорили: «Бог ты мой, да у вас лица, как у англичан!» Как-то взяли в плен британского офицера, а на другой день стали говорить с ним о том, кто победит в этой войне. Он был уверен в том, что победят союзники, тут я говорю ему: «Вы не сможете прорвать нашу оборону во Франции. Мы разнесем ваши корабли вдребезги, вот увидишь. Да вы одной ногой не вступите на сушу.» Это то, что я думал тогда... Он почему-то хотел дать мне свой адрес, и был очень расстроен и даже обижен, когда я отказался брать его. Я сказал ему: «А что я буду с ним делать? Зачем мне будет нужен адрес английского военнопленного после того, как мы победим?»

Я видел людей на войне и после войны – они полностью меняются. На войне это хорошие товарищи, они готовы все сделать для тебя, даже отдать за тебя свою жизнь... Посреди этого пекла они превращаются во что-то другое... Под Кассино я застрелил британского солдата, и он до сих пор стоит у меня перед глазами, хотя случилось это более 60 лет назад. Мне пришлось убить его. Я смотрел в небольшое окошко, и тут он совершенно неожиданно оказался напротив меня. Он вошел в поле зрения сбоку, остановился, и мы посмотрели друг на друга. У меня в руках был автомат *Беретта/Beretta*. Там, в Италии, у меня всегда была *Беретта*. Посмотрели друг другу в глаза, я выстрелил, и через секунду он был мертв. Это был совсем молодой паренек, лет 18 или около того. Я сделал это рефлекторно, ну а у него было мало опыта...

Мы оказались в окружении. Появились поляки – мы видели, как они двигаются. Я занервничал. У нас с собой было шесть пулеметов MG42. В одной ленте было 350 патронов, но у нас ленты были в два, а то и в три раза длиннее обычных. Это было совсем другим делом... Противник приближался, у наших пулеметчиков была масса времени на то, чтобы хорошо изготовиться к встрече. Я сказал: «Они на подходе!» Они были очень близко к нам, но атаки пока не было. Я видел, как они смеялись и перестроились, чтобы пойти в атаку. Мы укрылись в разрушенном доме, который находился за пределами города Кассино, уже на краю сектора нашей дивизии. Я разглядел, как они изготовились к атаке, и в этот момент шестеро наших пулеметчиков открыли огонь – это были мои парни. От все польской роты остался один человек. Один из моих солдат был снайпером, так он продолжал всаживать пули в этого парня, и я приказал ему остановиться и дать ему уйти...

Мои люди были обстрелянными бойцами, крутыми парнями. Они служили на Крите и в России, они через все это прошли. Они никуда не спешили...

В ожидании развязки

Мы все время надеялись на появление секретного оружия. Мы знали, что для этого нужно время и что нам нужно это время выиграть. Между всеми нами было согласие по этому вопросу: нужно время.

Последние часы

Пришел приказ об отходе. Как так? Мы не можем уйти! Это же признание нашей слабости. Мы должны оставаться здесь, потому что отступление – это поражение в битве.

... Остановив поляков, мы решили переждать: было уже темно. Часов в 11 (11 или 19 мая) или около того я подозвал унтер-офицера и сказал ему: «Пойдем и разузнаем, что делается вокруг.» У меня был план: мы пойдем вдоль железной дороги и так выйдем к своим – я думал, там не будет солдат противника. В темноте они, по большей части, держались вместе. Мы стояли в окопе и осматривались, и тут неожиданно появилась целая шеренга этих ребят. Со мной была *Беретта*, но они ушли, так как не знали обстановки. В полночь весь пехотный батальон ушел, ну а мы тронулись в путь, продвигаясь между железной и обычной дорогами.

Последнее слово

Если ты собираешься атаковать, подход к этому должен быть другим. Нельзя просто бежать вверх по склону, потому что даже горстка людей сможет удержать такую позицию. А когда на позициях десантники, обстрелянные бойцы с опытом войны в горах и готовые к рукопашному бою, такую оборону прорвать невозможно. Мы так и не поняли тактику нашего противника. Это было сумасшествием...

<https://www.griffonmerlin.com/wwii-interview/joseph-joop-klein/>

Лейтенант Херманн Фёльк (Hermann Völck), 4-й Воздушнодесантный Полк

О бомбардировке города

Мне казалось, наступил конец света. Однако, я думаю, эта разрушительная бомбёжка прибавила нам решимости защищаться, в большей степени, чем раньше...

В ожидании развязки

Как-то, переползая с место на место, я нашел книгу. Это была книга на немецком. В ней я прочел следующее: «В мире существуют две силы: Дух и Меч, но никогда еще Меч не победил Дух.» Я стер пыль с обложки и прочел название книги: *Битва на Сомме*.

Лейтенант Вернер Иссмер (Werner Issmer), 3-й Воздушнодесантный Полк

Еще до того, как попасть в десант, я как-то ехал на поезде вместе с двумя пехотинцами, которые успели повоевать в России. Один из них сказал мне: «Так ты хочешь пойти в десантники? А ты уже убил своих папу и маму?» Вот что люди думали о десантниках!

В ожидании развязки

... У нас был граммофон, но на пластинке было только две песни. Одна из них была Besame mucho. Мы снова и снова заводили граммофон и снова запускали эту песню. Как-то раз засиграла музыка, и из-за этого начался сильный артобстрел. Пришлось перетащить граммофон из штаба в подвал. А мы думали, что и противнику нравится эта музыка...

<https://www.youtube.com/watch?v=AJdvbyB2nvg>

Вернер Курковски (Werner Kurkowski, на фото слева, ум. 2002 году) родился в Данциге (ныне Гданьск, Польша). В 1942 году он поступил на службу в Люфтваффе, желая стать летчиком, но затем добровольно записался в воздушно-десантные войска. Вниманию читателя – фрагмент интервью с ним:

После прохождения обучения меня послали в Италию, где меня спросили, куда я хочу быть отправленным. В Италии я оказался в составе саперной части, вместе с которой прибыл в Монте Кассино в апреле 1944 года.

Бои под Кассино к тому времени продолжались уже почти четыре месяца. В каких условиях Вы оказались после прибытия на передовую?

Большую часть времени мы не видели ничего. Мы все время отсиживались в пещерах или блиндажах, и, если союзники атаковали нас, мы открывали по ним огонь. Там вокруг нас были сплошные развалины. Многие были ранены, потому что грунты под нами были скальными. Тебя мог миновать осколок снаряда, но в тебя часто попадали камни. Если в стену попадала 80- или 120-мм мина, обломки камня могли угодить тебе в лицо. Под Кассино частым явлением были травмы глаз и все такое прочее. Минометы были там основным оружием противника, и вражеская артиллерия вела по нам огонь почти постоянно. Мы были в обороне, так что, если нас обстреливали, то мы отстреливались. Мы рыли в земле глубокие ямы, в которых могли выжить, или выжидали, сидя в подвалах, когда находились под артогнем, выкуривая одну сигарету за другой. Потом, если враг шел в атаку, мы вылезали из своих ям и стреляли по нему. Бой был и правда близким, иногда они подбирались на 20 футов к моей позиции. Сражались они яростно. Думаю, по обе стороны фронта там было больше убитых, чем в любом другом сражении.

Похоже, бои шли постоянно. Каким был обычный день на передовой?

Мы ждали, когда перейдем в разряд раненых или убитых. Мы считали дни и выбывших из строя. За один день ты мог потерять двух приятелей, потом тебя посещало такое чувство, что тебе повезло, раз ты дожил до следующего дня. Союзники атаковали нас непрерывно: они пытались прорвать нашу оборону три или четыре раза в день. Мы, в основном, были на посту и высматривали их. Мы могли выдвинуться немного за нашу передовую линию, чтобы наблюдать за противником и понять, что происходит. Линия фронта под Кассино

часто смещалась. Группы людей вступали в бой, занимая позиции на различных высотах, по ночам англичане пытались проскочить между ними. Бои шли там и тут, но ты видел только то, что происходило с твоей частью. Весь сектор фронта, на котором шли бои, ты не видел. Иногда случалось, что несколько дней подряд продолжалось затишье, а потом они могли атаковать несколько дней подряд. Мы просто старались удержать свои позиции. Мы никогда не пытались атаковать их, если только не возникала необходимость отбить участок, который был до этого оставлен. Противник атаковал вверх по склону и откатывался, а мы теряли все больше и больше людей. Роты могла превратиться во взвод, а потом просто в кучку людей. В итоге, союзники обнаружили, что там осталось совсем немного немцев. Те, кто еще мог ходить, отступили...

Вы сказали, что главным оружием были минометы, но Вы говорили о серии ближних боев. Приходилось ли Вам драться против вражеской пехоты?

О, да. Они атаковали нас. Они использовали обычные методы ведения боя, которые вы можете найти в книгах. Сначала они проводили многочасовую артподготовку, интенсивность огня могла нарастать. Потом они могли выпустить несколько дымовых снарядов, чтобы поставить завесу и лишить нас возможности видеть тех, кто атакует. В итоге, они бросали вперед пехоту и пытались прорвать нашу линию обороны, но у них ничего не получалось. Так продолжалось пять месяцев.

Соотношение сил явно было не в вашу пользу. Как вы продержались так долго?

Нам приказали держаться при любых обстоятельствах – именно поэтому там бросили в бой парашютистов. Там еще были горные стрелки (Gebirgsjäger). У нас был строгий приказ: ни шагу назад. Бои были тяжелыми, ожесточенными. У них была артиллерия, но эти долбаные минометы были хуже всего остального. Мне они ох как не нравились. Там напротив каждого были минометы. Мы несли основные потери тогда, когда попадали под их огонь, находясь вне укрытий. Но мы несли потери и от артиллерии, и от ружейного огня тоже. Если ты сидел в стрелковой ячейке, противник не приближался к тебе слишком быстро. Парни по ту сторону тоже испытывали страх. Нашим лучшим оружием против них были ручные гранаты. У нас всегда под рукой была куча гранат. Мы были где-нибудь на высотах, и они пытались подобраться к нам ночью. Мы давали им подойти поближе, после чего забрасывали гранатами.

Это сражение известно проявлениями рыцарства по отношению врагов друг к другу. Как Вы считаете, это правда?

У нас были короткие перемирия, если было много убитых и раненых. В такие моменты мы переставали стрелять. Позднее у нас и в Нормандии были перемирия. Мы давали им полчаса, они давали нам до трех часов, потому что они в этих случаях отводили всех своих людей от передовой. Американцы отходили и потом давали нам час или два, чтобы мы могли подобрать своих убитых и раненых. Они всегда [строго] придерживались перемирий. Если подумать обо всем этом сегодня, война – это такой бессмысленный расход жизней. Сегодня рассуждают по-другому, чем тогда, но в те времена мы были запрограммированы на то, чтобы быть солдатами...

У Вас был миномет?

У меня был карабин K98. У нас также было новое оружие – полуавтоматические винтовки, но они были жестянками, так или иначе. Старый карабин K98 был лучшим из того, что у нас было. Он был очень надежным, сделан он был очень прочным по сравнению с тем, что у нас было потом. Карабины были болтовым оружием, в него можно было зарядить семь патронов, он давал возможность вести точный огонь. Полуавтоматические винтовки вмещали до 15 патронов, и приходилось носить больше боеприпасов, потому что с ними ты и расходовал их больше. Может, из 25 выстрелов 5 и попадало в цель. Иногда мы носили с собой американские автоматы, если была возможность раздобыть для них боеприпасы. Немецкий MP40 был хорош, если ты не использовал его слишком часто, потому что магазинные пружины тогда ослабевали. Получалось, что автомат делал пять или шесть выстрелов, а потом, совершенно неожиданно, магазин переставал подавать патроны. Его пружина приходила в негодность из-за чрезмерного использования.

Соотношение сил было для Вас совсем неважным. С учетом интенсивности боев, верили Вы в то, что победа будет за Вами?

Нет, у нас больше в этом не было уверенности. Мы просто держались и дрались, надеясь на то, что нас скоро сменят. Мы просто ждали замены, ждали возможности убраться оттуда. Когда меня ранило [осколком снаряда], я подумал: «Господи, спасибо тебе. Я отправляюсь в госпиталь, и на этом все кончится.» Но через какое-то время в госпитале стало так тоскливо, что это стало действовать мне на нервы.

Бывало ли так, что Ваши товарищи не выдерживали нервного напряжения?

Не было такого, чтобы кого-то одолевала усталость от боя. Наша армия не знала, что это такое. Ты сражался, или ты погибал. Мы не могли сказать вслух: «Я больше не могу выносить это.» Если бы кто-то произнес это, его бы перевели на еще более опасный участок. В моей части такого не было ни разу. Мы все были добровольцами, так или иначе. Если кто-то стрелял себе в ногу, чтобы оказаться подальше от передовой, его расстреливали. Много немецких солдат были казнены во время войны...

Как Вы думаете, что предопределило Ваше поражение под Кассино?

Союзники просто перемолотили нас, одного за одним. Это было похоже на жернова, нас становилось все меньше и меньше. Никто так и не пришел, чтобы сменить нас. Сначала каждый из нас удерживал 5 ярдов позиций, потом 20, потом 50, в то время как наши парни переходили в разряд убитых и раненых. В итоге мы отступили. Кроме того, нам не хватало боеприпасов и всего прочего, это все приходилось доставлять по ночам. Мы дрались до конца, но потом нам пришлось уйти. В той ситуации было лучше удрать и спасти свою шкуру.

Достойно внимания то, что Вам удалось продержаться так долго. Помогали ли офицеры поддерживать в Вас боевой дух?

О, да! В германской армии офицеры превосходно знали свое дело, особенно в таких элитных частях, как воздушно-десантные. Наши унтера также были хороши, и мы могли брать с них пример. Мы все время были в тесном контакте с нашими унтерами, а офицеры держали нас на большем расстоянии. Парашютисты готовили так, чтобы каждый мог возглавить людей, если погибали все, кто был старше по званию. Рядовых обучали вести людей за собой, если возникала необходимость, и делать это на уровне командиров. В

начале войны, в ряде других армий, если погибал командир, для остальных это кончалось плохо. У немецких парашютистов был другой принцип боевой подготовки. С самого начала людей готовили в лидеры. Я не знаю, как было с этим в пехоте или в других родах войск.

Вы сказали, что вздохнули с облегчением, когда Вас ранило. Как это случилось?

Да просто ни с того, ни с сего разорвался артиллерийский снаряд. Я даже не заметил то, что ранен, пока не залился кровью. Один из парней сказал: «Боже мой! У тебя дыра в плече!» Потом мне сказали отправляться на перевязочный пункт.

Монте Кассино было страшным местом для того, чтобы получить боевое крещение. Повлияло ли это сражение на Ваши представления о шансах Германии на победу?

Нет, я понял все, когда записался на службу в BBC в конце 1942 года. Тогда уже не было крупных побед. Мы отступали на всех фронтах, но всегда оставалась надежда. Люди удерживали свои позиции и медленно отходили... Сталинград стал началом конца. В России мы постепенно отступали, продвигались на одну милю вперед, потом отступали на две. Так же было в Африке и Италии. Мы говорили между собой: «Чем больше собак, тем больше кроликов они перебьют.» У нас оставалось все меньше и меньше шансов. Думаю, единственным, что заставляло машину крутиться, было то, что нам постоянно говорили о секретном оружии...

<https://www.historynet.com/if-you-die-you-die/>

<https://www.historynet.com/fallschirmjager-on-the-run/>

Фрагмент беседы между генерал-полковником Фитингхофом (Vietinghoff), командующим 10-й Армией немцев, и фельдмаршалом Кессельрингом (Kesselring) после того, как железнодорожная станция была отбита у новозеландцев:

V. После тяжелого боя мы отбили станцию Кассино.

K. Мои самые сердечные поздравления.

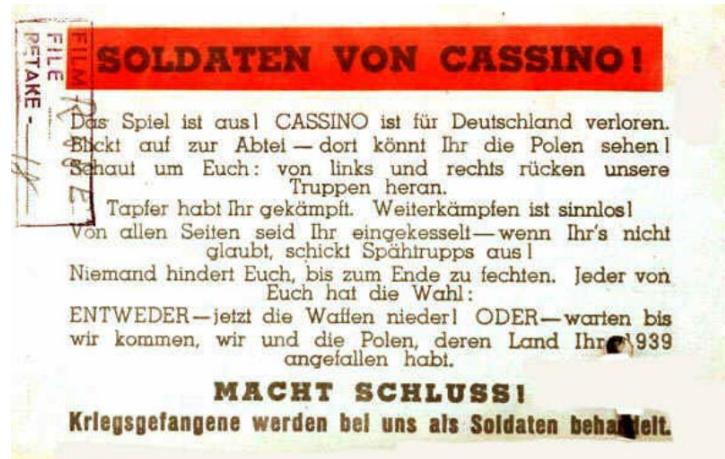
V. Не думал, что нам это удастся.

K. Да и я не думал.

V. К северу от Кассино также были отбиты довольно ожесточенные атаки. Насчитали 400 трупов напротив позиций 1-го Воздушнодесантного Полка... Наши потери тоже довольно значительны.

K. Передайте мои самые сердечные поздравления 211-му Полку, а 1-му Воздушнодесантному – не такие горячие... Я очень доволен тем, что новозеландцы получили по носу. Вы должны представить командира в этом секторе к Рыцарскому Кресту.

<http://nzetc.victoria.ac.nz/tm/scholarly/tei-WH2Maor-c14.html>

Листовка союзников, предназначенная для немецких солдат:

Солдаты Кассино!

Игра окончена! Для Германии Кассино потеряно. Посмотрите на аббатство — там вы увидите поляков! Оглянитесь вокруг: наши войска приближаются слева и справа. Вы храбро сражались. Дальше сражаться нет смысла! Вы окружены со всех сторон — не верите, вышилите наблюдателей! Никто не заставляет вас воевать до последнего. У каждого из вас есть выбор:

ИЛИ — сложить оружие сейчас! ИЛИ — дожидаться нашего прихода и прихода поляков, на чью страну вы напали в 1939-м.

ЗАКАНЧИВАЙТЕ!

С военнопленными обращаются как с солдатами.

МЕСТНЫЙ ЖИТЕЛЬ

Гвидо Варлезе (Guido Varrese, в 1944 г. — 19 лет), житель одной из местных деревень.

Первые бомбы упали в 9 утра. Мы этого совсем не ждали, поскольку уже действовало перемирие. Мы думали, что для нас война уже закончилась.

Я был в компании моего друга, когда над нами появились *Летающие Крепости*, направлявшиеся от Рима к Неаполю. Они обрушили свои бомбы на окраины городка. Первая же бомбекка вызвала огромные разрушения и убила множество людей. Я укрылся в парикмахерской, где обычно стригся. Когда я находился в ней, появился немецкий солдат, у которого ухо разорвало осколком. Я обмотал ему голову полотенцем — первым, что попало под руку, чтобы остановить кровь, которая хлестала у него из уха. Если бы не это, он бы точно расстался с жизнью.

В тот день было еще два налета. Первый – на железнодорожную станцию, другой пришелся на окрестности города, в результате чего оказалась разрушенной дорога Рим-Неаполь. Здесь они [американцы] заметили отступающие колонны немцев и решили атаковать шоссе.

После налетов моя сестра и свояченица решили уйти в горы, в окрестности горы Кайро, где мы надеялись отсидеться в безопасности. Но мы ошиблись: мы оказались вблизи передовой линии немецкой армии. Здесь проходила линия обороны немецких горных стрелков, удерживавших позиции в период зимних боев. Тогда из-за плохой погоды земля стала топкой, и союзники увязли в грязи. Их танки тоже увязли и не смогли переправиться через бурную реку, а немцы взорвали все мосты.

15 марта случилась массированная атака на Кассино с воздуха – я наблюдал ее из соседней деревни. Аббатство было разрушено 15 февраля. За день до налета союзники сбросили листовки, предупреждавшие о бомбардировке и рекомендовавшие всем покинуть церковь. Немцев на этот раз в церкви не было – они расположились за ее стенами. Фрейберг – командующий союзными войсками на этом участке боев, был озабочен тем, что немцы будут использовать аббатство в качестве укрепленного узла и что у союзников будут серьезные проблемы с преодолением этого участка обороны.

Немецкий лейтенант решил уведомить всех гражданских, что им не удастся покинуть аббатство до следующего вечера. В итоге, в результате налета 300-400 человек было похоронено заживо в разбомбленном здании аббатства.

Когда нас отводили из Терелле/Terelle в Монтефорте/Monteforte в сопровождении солдат SS, которые хотели убрать гражданское население подальше от зоны боев, мы увидели в небе поединок между немецким и английским самолетами. Из-за яркого солнца было трудно разглядеть, кто из них кто. Неожиданно один из них загорелся и начал стремительно падать. Мы увидели, как летчики выпрыгнули из него с парашютами. Затем мы разглядели, что второй самолет не ушел с места боя, а развернулся и расстрелял двух летчиков, находящихся в воздухе. Это было наиболее ужасной сценой из виденных мною когда-либо. Мы-то думали, что между противоборствующими летчиками существует какое-то рыцарское отношение друг к другу. Летчики упали на скалы, и я никогда не забуду вопли и стоны этих несущихся к земле парней...

IMAGES of WAR. The real story of World War II. 27

D-DAY DODGERS - О ТЕХ, КТО ОТСИДЕЛСЯ В СОЛНЕЧНОЙ ИТАЛИИ

Эта ироническая песня британских солдат, якобы избежавших участия в высадке в Нормандии и прохлаждавшихся на Итальянском фронте, где не было боев, а были прогулки, вино и женщины, была написана на мотив знаменитой песни *Lili Marleen*

We're the D-Day Dodgers, here in Italy Drinking all the vino, always on a spree We didn't land with Eisenhower And so they think we're just a shower For we're the D-Day Dodgers Out here in Italy	Ди-Дэй мы прогуляли вот тут, в Италии Мы пьем вино, гуляем и прожигаем дни Мы не были в Нормандии, ведь нам не до того – Считают, что война здесь - сплошное баловство Ведь мы пересидели Ди-Дэй в Италии
---	---

<p>We're the D-Day dodgers, out here in Italy Always drinking vino, always on a spree Eighth Army scroungers and their tanks We go to war in ties, like swanks We are the D-Day Dodgers Way out in Italy</p>	<p>Мы от войны откосим вот тут, в Италии Бухаем и гуляем, и прожигаем дни Мы классно отсидались в тихой армии восьмой А пушки, ружья, танки – чтоб не спешить домой Мы от войны далёко вот тут, в Италии</p>
<p>We landed at Salerno, a holiday with pay, Jerry brought the band down to cheer us on our way Showed us the sights and gave us tea, We all sang songs, the beer was free. We are the D-Day Dodgers, way out in Italy.[</p>	<p>Мы прибыли в Салерно – оплачен отдых наш, И фрицы притащили оркестр на променаж, Кино нам показали и накормили нас Мы пели песни хором: настал наш день и час! Вот так пересидели мы Ди-Дэй в Италии</p>
<p>The Volturno and Cassino were taken in our stride We didn't have to fight there. We just went for the ride. Anzio and Sangro were all forlorn. We did not do a thing from dusk to dawn For we are the D-Day Dodgers, over here in Italy.</p>	<p>В Кассино и Вольтурно ходили мы гулять, Ведь драться мы не любим, уж вам ли нас не знать, А в Анцио, на Сандро – тоскливая пора, Мы мучились бездельем от ночи до утра Мы от войны далёко вот тут, в Италии</p>
<p>On our way to Florence we had a lovely time. We ran a bus to Rimini right through the Gothic Line. On to Bologna we did go. Then we went bathing in the Po. For we are the D-Day Dodgers, over here in Italy.</p>	<p>Дорога во Флоренцию – прогулка на пикник Что Готская нам Линия! - промчались напрямик Добрались до Болоньи, Купались в речке По Вот так пересидели мы Ди-Дэй в Италии</p>
<p>Once we had a blue light that we were going home Back to dear old Blighty, never more to roam. Then somebody said in France you'll fight. We said never mind, we'll just sit tight, The windy D-Day Dodgers, out in Sunny Italy.</p>	<p>Однажды шепоток прошел, что едем мы домой, В любимую Британию, оттуда – ни ногой, Потом другие сведения – во Францию, на бой, Да нет уж, нам тут лучше, зачем нам край другой? Мы лучше отсидимся вот тут, в Италии</p>
<p>Now Lady Astor, get a load of this. Don't stand up on a platform and talk a load of piss. You're the nation's sweetheart, the nation's pride We think your mouth's too bloody wide. We are the D-Day Dodgers, in Sunny Italy.</p>	<p>Вы Леди наша Эстор, позвольте вам сказать Довольно вам с трибуны языком болтать, Хотя вы - наша гордость и слава и краса, Но рот не разевали б, не гневили небеса, А мы пока откосим от войны в Италии</p>
<p>When you look 'round the mountains, through the mud and rain You'll find the crosses, some which bear no name. Heartbreak, and toil and suffering gone The boys beneath them slumber on They were the D-Day Dodgers, who'll stay in Italy.[4]</p>	<p>Когда на горы бросишь взгляд, сквозь слякоть и дожди, Кресты без имени стоят, над каждым тот лежит, Кто смерть свою нашел вот здесь, пройдя свой славный путь, И тут останется навек от тягот отдохнуть, Вот так пересидел он Ди-Дэй в Италии</p>

<p>So listen all you people, over land and foam Even though we've parted, our hearts are close to home. When we return we hope you'll say "You did your little bit, though far away All of the D-Day Dodgers, way out there in Italy.</p>	<p>Так вот, друзья вы наши, за морем, за горами Хоть мы вдали от Англии, наш дом всегда был с нами Надеемся вернуться, и скажете вы нам: Вас не было в Нормандии, но вы свой долг исполнили в бою, в Италии</p>
---	---

Перевод: Нина Чернова, Владимир Крупник

КРАСНЫЕ МАКИ МОНТЕ-КАССИНО/CZERWONE MAKI NA MONTE CASSINO

Взгляни — в тех камнях, на вершине
Твой враг, словно крыса, живуч.
Ступайте! Крушите! Спешите
За глотку сорвать его с туч!
Пошли они, гневом пылая,
Пошли, чтоб свершить свою месть.
Привычно отвага вела их
Сражаться за славу и честь!

Краснеют маки на Монте-Кассино
От кровавой росы опьянев.
Шли поляки, и смерть их косила,
Но сильнее, чем смерть, был их гнев.
Пусть проходят столетия мимо -
Сохранится память давних дней.
И только маки на Монте-Кассино
От польской крови становятся красней.

В атаке — отважны без меры,
Сражались они, храбрецы,
Как прадеды у Самосьеरры,
И как под Рокитной — отцы.
И штурм тот отчаянно-смелый -
Победой окончился он!
И стяг боевой красно-белый
До туч средь руин вознесён!

Смотри же! Увидишь с вершины -
Крестов этих белых — не счастье.
Здесь брачный обряд совершили
Поляк и жена его — честь.
Земля эта Польшею стала.
Свобода — она такова:

Её измеряют крестами.
История тут не права.

Прошли четверть века степенно -
И ярость, и гнев улеглись.
Обители белые стены
Опять к облакам поднялись.
Но память весны беспокойной
Все время стремится сюда,
Вплетается в звон колокольный
По всем, кто уснул навсегда.

Поэтический перевод: Ирина Полякова
(http://www.sovmusic.ru/text.php?from_sam=1&fname=s12891)

Кладбище, на котором похоронены солдаты и офицеры стран Британского Содружества. Подножие горы Кассино

Примечания:

*Правильное название - Gari/Гари. Название «Рапидо» прижилось у союзников и до сих пор используется в военно-исторических текстах

**Правильное произношение этой фамилии – Фрайберг

***Jerry – распространенное среди британцев прозвище немцев.

****Nancy Witcher Langhorne Astor (1879–1964), первый в британской истории член парламента-женщина

*****Часто использовавшееся британцами прозвище для немцев. Происходит от французского слова *boche* – башка.

******Kraut* – распространенное среди американцев прозвище для немцев. Происходит от немецкого слова *sauerkraut* (кислая капуста), вошедшего в английский язык.

Прочие источники

<http://www.lancs-fusiliers.co.uk/feature/jefferson/Frankjeffersonvc.htm>

<http://www.kresyfamily.com/romuald-lipinski.html>

http://mahnmal-kreta.de/fileadmin/user_upload/Geschichte/Lebenslauf_komplett_Hermann_Voelck_2012.pdf

<https://www.ciaopittsburgh.com/remembering-the-italian-campaign-world-war-iis-longest-and-bloodiest-battles/>

<https://28maoribattalion.org.nz/photo/george-sutherland>

<http://www.psywarrior.com/MonteCassino.html>

Перевод и компиляция – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org